

ЕЛЕНА ФЕНИКС

РАСПЛАТА

18+

Елена Феникс

Расплата

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Феникс Е.

Расплата / Е. Феникс — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Невозможно жить с дьяволом в душе. Разъест он плоть и кровь, изоляется ядом на окружающих, сделает несчастными близких, отравит судьбу. Но расплата неминуема. За каждый шаг, за каждое слово. И беда, если человек не одумается, не повернется к вере и свету. Героиня произведения Елены Феникс – светская львица, известная в Москве бизнес-леди – прошла тернистый путь, сотканный из потерь и страданий. Тщеславие и гордыня толкали ее на путь грехопадения, предрекая скорый и трагический финал. Но судьба дала героине последний шанс. Любовь пришла к ней в неожиданном обличье и стала спасением...

© Феникс Е., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Глава 1

Что-то сегодня Миле не понравилось. То ли пальцы Валерия были жестче, чем обычно, то ли голос – холоднее, но хорошего секса не получилось. Дежурно, в миссионерской позиции на счет раз-два-три они по-быстрому завершили половой акт и разбрелись по квартире, пряча друг от друга глаза: она в ванную, он на кухню ставить чайник.

– Нет, что-то тут не то. Может быть, я ему надоела? – разглядывая свое лицо в зеркале, думала Мила. – Таковую меня Валерий, конечно, не может любить. Впрочем, разве мужики сегодня способны на чувства?!

Из Милы – глубоко продвинутой, по ее мнению, бизнес-леди – давно уже были вытравлены представления о любви как о самом важном, самом необходимом явлении, празднике души, без которого существование человека лишается смысла.

Миле было... Впрочем, оставим годы за спиной. Довольно того, что их отражение откровенно пропечатано на лице. Сморщенном, по чистосердечному признанию Милы, как печеное яблоко. А что поделать, если хочешь в свои уже даже не «бабаягодные» годы сохранить ладно скроенную фигурку, не расползтись вширь от бесчисленных банкетов и фуршетов?! Вот и приходилось держать тело, что называется, в черном теле – висеть в фитнес-центре, отдаваться во власть массажистов, голодать в промежутках между официальными приемами. Зато Мила хорошо умела делать деньги и могла поспорить, что душевно-телесные трепетания отнюдь не являются единственной прелестью жизни. Напротив, они лишь выбивают из седла, вносят сумятицу в четко установленный порядок бытия, ослабляют позиции и характер. Этого допустить никак нельзя. Мила знала, что выпадение из активной жизни хотя бы на пару дней, может привести к краху задуманного, сломать планы, которым посвящены многие годы. Так что, надо взять себя в руки.

Подумаешь, молодой любовник Валерий в постели что-то пробурчал про ее груди. Типа, «когда ты лежишь на спине, их надо искать подмышками. И вообще в этом положении ты мало отличаешься от мужчины. Жесткая и плоская». Последние слова вырвались как-то сами по себе, нечаянно, но от этого было еще больнее. Значит, Валерий всегда об этом думал, но сдерживался, гасил раздражение. А сегодня оно выплеснулось. Интересно, почему? Что, а точнее, кто, явился причиной этого злобного откровения? И потом, что значит жесткая и плоская? Стройная и худенькая – вот, как настоящие джентльмены именуют таких леди. А Валерка – мужлан чистой воды, выросший где-то в Сибири. Там женщины пили водку в три горла наперегонки с мужчинами, спасаясь от жгучих холодов, а верхом красоты было не иметь узких глаз, широких скул и кривых ног.

Мила нервно дернула плечом: тело мое ему, видишь ли, не нравится! Да что он понимает?! Пусть спасибо скажет, что подобрала его, на работу взяла, должность дала своего заместителя! За одно это Валерка должен верным псом служить, пылинки сдувать! А он – «сиськи подмышками»...

Мила встала под душ. Она была раздражена, можно сказать, взбешена. Самой себе она не признавалась в том, что ждала главных слов от Валерки, страстно желала изменить свою постылую жизнь, в которой кроме безумной работы и погони за деньгами давно уже не было ничего. А годы шли, и каждый день рисовал на лице свой след, который приходилось тщательно запудривать-замазывать, прикрывать длинной челкой и маскировать к месту и не к месту улыбкой во весь рот, чтобы морщины на лице приобретали хотя бы характер мимических, а не возрастных. И тело лишалось гибкости, и на душе скребли кошки оттого, что жизнь проходит, силы тают, и припасла ли ей судьба на закате женской доли счастливых дней – большущий вопрос. Уж если Валерка, который должен Миле как земля колхозу, посмел сегодня впервые озвучить свое физическое неудовольствие, то...

– Дура, не надо было влюбляться! Ну, ничего, миленький! Ты у меня попрыгаешь! Подумаешь, Ален Делон! – Мила остервенело терла себя мочалкой, вдруг поняв, что никуда она

Валерку не выгонит, ни сейчас, ни завтра, ни вообще. Что нужен он ей таким, какой есть. И к тому же не заменим в работе. А это дорогого стоит. Найди сегодня дурака, который будет верно служить женщине-начальнице, не претендуя на ее кресло, принося прибыль ее фирме и не размахивая заявлением об увольнении в день получения зарплаты, которая всегда оказывалась меньше той, что Мила обещала даже в постели. За одно это следовало Валерию простить и неудачный секс, и раздражение.

В Миле во весь рост поднялась хищная бизнес-леди. Женская сущность, втайне жаждущая искренности и настоящей любви, стыдливо зарылась вглубь естества, обещая больше не показывать и носа.

– Ну, как ты? – благоухающая ароматами духов, шампуня и кремов Мила вышла из ванной и присела на подлокотник кресла, в котором сидел Валерий и пил чай. Валерий кивнул головой в сторону телевизора: мол, погоди, я слушаю. Мила встала, налила себе чаю и прислушалась. Речь в передаче шла о женщинах, которые сделали себе пластические операции. Одна дива обрела груди а-ля арбуз и жутко гордилась этим своим силиконовым приобретением.

– Да уж, такие сиськи подмышками искать не придется, – хихикнула Мила. – Ты хочешь, чтобы и мне накачали эдакие арбузы?

– Ничего я не хочу, – сказал Валерка. – Просто считаю, что если женщина комплексует на счет своего возраста и внешности, то пластическая хирургия дает ей шанс вернуть молодость и веру в себя. Вот и все. Ты же обиделась, когда я сказал тебе про плоскую грудь? Если бы ты не была согласна со мной, считая свой бюст совершенным, ты бы и внимания не обратила на мои слова, ну, может, посмеялась бы вместе со мной. А ты обиделась. Значит, тебя форма твоей груди не устраивает. И лицо.

Мила почувствовала, что комок подкатил к горлу. Такое нахальное – повторное! – напоминание о возрасте да еще от мужчины, претендующего на статус любимого, это было слишком.

– Не кипятись, Мила! Я не обидеть тебя хочу. Я хочу видеть тебя счастливой, уверенной в себе, красивой. Понимаешь? – Валерий встал, выключил телевизор и вплотную подошел к Миле. Она нервно обняла его за шею.

– Так ты любишь меня? Ты, правда, хочешь, чтобы я была счастлива?

– Ну, а как ты думаешь? Стал бы я терпеть дуреху-начальницу, самодурку и неумеху, если бы не любил тебя именно такой вот? Но пойми, жить с человеком, который весь на нервах, невыносимо. Ты порой просто неадекватна, взрываешься от любого замечания, которое даже не к тебе обращено. Я же вижу, как ты замазываешь морщины, как утягиваешь талию в корсет. Я понимаю, почему ты не терпишь на работе красивых женщин, ты их просто поедом ешь. Тебе комфортнее со страшилами, которых ты, однако, боишься отправлять на VIP-интервью и на заключение договоров с рекламодателями. Чтобы своей непрезентабельной внешностью не испортили дела, не так ли?!

Мила отстранилась и подозрительно посмотрела на Валерию:

– Ты это кого имеешь в виду? Какую-то красивую женщину я «съела» из ревности к ее внешности?

– Мил, я с тобой работаю уже три месяца, у меня есть глаза, к тому же мне много чего рассказали наши коллеги. Конечно, они могут ошибаться в персоналиях, но в целом, думаю, правы.

Мила вспомнила: на днях отдел кадров издательского дома прислал к ней в Дирекцию молодую женщину – белокудрую стройняшку с дипломом МГУ, московской пропиской и машиной, которую девушка соглашалась за отдельную плату использовать в рабочих целях. Мила с первой минуты собеседования всем своим стержневым нутром почуяла, что через пару месяцев эта хваткая, дерзкая на язык и опытная красотка уведет у нее из-под носа не только Валерию, но и весь бизнес.

Она сказала той красотке, что вакансия уже закрыта, что только вчера на место руководителя проекта вышел новый сотрудник. В момент, когда, наслаждаясь могуществом вершителя чужой судьбы, Мила произносила эту тираду, Валерий неожиданно появился в дверях кабинета и прослушал пение своей начальницы с нехорошей усмешкой на лице. Ему как раз позарез нужен был сотрудник, проект «горел», миллион рублей грозил пролететь мимо их, общего с Милой, носа. И пролетел ведь!

– Ты тогда повела себя не как стратег, не как руководитель, а как баба – ревнивая и дурная, – жестко сказал он, отстраняя от себя Милу. – И это только от неуверенности в своих силах. А сделай ты себе лицо, ты бы не боялась принимать на работу красивых женщин. Ладно, пошел я тоже в душ.

Когда за Валерием закрылась дверь ванной комнаты, Мила по привычке полезла в его карман.

XXX

Она ничего не могла с собой поделаться: проверять карманы было ее манией, она проделывала эти штуки и с мужем Юрием, и с сыном Мироном, и вот теперь с любимым мужчиной, Валеркой. Эта привычка прилепилась к ней, когда однажды в юности она бросила в стиральную машинку грязные брюки мужа и постирала их вместе с зарплатой, отпускными и еще, как потом муж кричал, с каким-то «леваком». То, что постирала и хорошо отжала – не беда. Гораздо хуже было то, что эти брюки она потом повесила на балконе, прицепив их к веревке за края штанин и вывернув карманы. Вот в момент выворачивания из кармана вниз что-то и улетело. Мила перекинулась через перила, но разглядеть в кустах под балконом с высоты пятого этажа не смогла. Собралась спуститься вниз, да проснулся сын – у него в это время был сильный ларингит, он дико кашлял, надо было срочно давать лекарства, и Мила решила пойти поискать под балконом то, что выпало, чуть позже. Она, разумеется, завозилась с ребенком, который по обыкновению отказывался есть мед и делать содовую ингаляцию, орал и кашлял так, что сердце Милы разрывалось в клочья.

Мирон болел редко, но для Милы каждый чих сына был сродни вселенской катастрофе. Не потому, что она так уж сильно переживала за здоровье малыша или опасалась последствий. Вовсе нет. Просто заболевание ребенка выбивало Милу из погруженности в себя, из любимого образа жизни – лежать на диване и читать книги. В этом они с мужем были схожи: он тоже любил лежать на диване. Только книг не читал. В принципе. Чужие мысли, соображения, жизненные ситуации, которые могли послужить уроком или примером, его никогда не интересовали. Всегда и во всем существовало только одно мнение – его, все остальные были неправильные. А вот мечтать Юрий любил. Главным образом о том, как потратит миллион, который вот-вот должен свалиться на его голову. Но поскольку миллионы на голову не падают и на деревьях не растут, то их приходилось зарабатывать, что Юрию было в лом.

Рожденный в Закавказье, он умудрился не впитать в себя тамошнюю идеологию, согласно которой мужчина – глава семьи, добытчик – должен иметь в руках хотя бы одно умение, хотя бы один талант, которому он непременно должен обучить своего наследника, сына, гордость рода и его продолжателя.

У Юрия все было с точностью до наоборот. Нет, главой семьи он себя, конечно, считал, но из талантов и умений у него было лишь щелканье кнопками пульта телевизора и зубодробильный храп независимо от времени суток: едва его тело касалось дивана, как тотчас оттуда неслись жуткие звуки. Тут же начинали метаться и лаять за стенкой соседские собаки, а Миле хотелось оторвать мужу нос. Ночи вообще превращались в сплошной кошмар. Зато собираясь по утрам на завод, где Юрец работал мастером цеха, он нарочито шумно одевался, что-то ронял и хлопал дверями так, чтобы проснулся грудной Мирон, и Мила выразила бы свое неудовольствие. Тогда бы он грубо сказал ей что-нибудь, типа: «Ты еще успеешь повалиться

в постели, а я вот на работу собираюсь, чтобы вас, иждивенцев, содержать. А у меня, между прочим, тоже есть свои личные интересы, которыми я ради вас жертвую». Мила, конечно, в ответ на эту утреннюю тираду ядовито заметит, что на аркане в загс его никто не тянул, что он сам добивался ее и женился вопреки родительской воле. Что нечего было уезжать из Баку и жениться на москвичке: «Она никогда не позволит, чтобы у нее на голове танцевали. И вообще, не пошел бы ты куда подальше?! Тебе, идиоту, манна небесная на башку упала в виде жилплощади в столице. А ты даже это оценить не в состоянии». Тут просыпался Мирон, начинал орать, требуя еды прежде времени, Мила начинала нервничать, потому что ребенок сбивался с режима, а молока в груди еще было недостаточно. «Вот родила бы девочку, может, я вел бы себя иначе. А пацана надо с пеленок воспитывать жестко», – молот чужь Юрий и удовлетворенный скандалом уходил на работу.

Этой своей идефикс – иметь дочь, а не сына – Юрий выбивался из обычного ряда мужчин. «Я хочу завязывать бантики!» – от этой его излюбленной фразы Мила, с первых дней беременности интуитивно знавшая, что носит именно сына, приходила в неистовство.

Спустя полтора месяца такой вот «любви» Мила потеряла молоко и перевела Мирона на искусственное питание. Кто рожал в конце 80-х, знает, каким кошмаром оборачивались для мам искусственники. Огромные очереди за детским импортным питанием, дефицит молока в молочных кухнях, поиски донорского грудного молока...

Юрий всего этого не замечал. Жил автономно от семьи. К сыну не подходил, на руки не брал, гулять с ним не выходил. Когда Мила видела мужчин, которые катили впереди себя коляску или несли малышкой на руках или на плечах, у нее ком подкатывал к горлу. Она считала себя самой несчастной и уже даже не надеялась, что подросший малыш пробудит, наконец, в отце чувства. Они были даже опасны, эти пробудившиеся чувства. Потому что в воздухе пахло разводом, а значит дележом имущества и сына. Мила как знамение свыше оценивала теперь свое решение сохранить после свадьбы девичью фамилию – Грызун. Хоть жених и взбеленился тогда в ЗАГСе, и счел оскорбленным весь свой род Охренян, и «ради будущих детей» был «вынужден» взять фамилию жены, зато Мила с первых шагов замужества показала всем, кто должен быть в доме хозяином.

Год от года они с Юрием жили все хуже: ее отношение к нему давно трансформировалась в ненависть и единственное, что удерживало ее рядом, был страх лишиться и этой, пусть хлипкой и ненадежной, даже предательской его спины-стены. Оценив свои ничтожные шансы на карьеру после развода – в Советском Союзе он был равен смертному приговору – Мила решила: жить своей жизнью, как это делают множество семей, и искать лучшей доли. То есть, сохранить видимость семьи для ребенка и для общественного мнения. А там...

«А там» растянулось на годы. От них остался горький осадок и вот эта дурацкая, какая-то даже болезненная привычка – проверять чужие карманы.

XXX

... Обследовать местность под балконом Мила смогла только через два часа, когда малыш угомонился и измученный уснул. Мила обшарила все кусты, каждый миллиметр земли, но свертка не было. Озадаченная она вернулась домой и едва открыла дверь, как позвонил с работы муж:

– Слушай, я сегодня на работу выскочил без копейки денег. По-моему, они остались в кармане брюк, которые я вчера бросил в стирку. Блин, мне срочно нужны эти деньги! Я сейчас приеду.

И не дожидаясь ответа от Милы, Юрий положил трубку. Мила заметалась по дому, заламывая в отчаянии руки, ругая мужа за то, что вчера пришел домой вдрызг пьяным и сразу завалился спать. Она мечтала, чтобы сумма постиранных денег была незначительна... Раз-

дался звонок в дверь. Муж, не разуваясь, со словами «Я мигом» метнулся в ванную, не увидев там брюк, рванул на балкон со словами «Уж не постирала ли ты их?». Качнув распластанные на веревке мокрые штаны с вывернутыми карманами, Юрий повернулся к Миле и сказал: «Умница, что нашла деньги. Я вчера забыл тебе сказать о них. Куда ты их положила? Давай, мне надо бежать». Он говорил, а Мила смотрела на него выпученными глазами – замотанная ребенком и невнимательным мужем женщина, уставшая в свои зрелые и сочные 30 лет.

– Ну, чего ты тарашисься? Деньги где? – прошипел муж и в момент понял, что денег нет. Неважно, куда они делись – растворились в стиральном порошке, вывалились с балкона в руки какому-нибудь бомжу или заныкала их сама Мила («С нее станется!») – факт оставался фактом: денег не было.

Была истерика и некрасивая сцена. Муж поднял на нее руку, Мила, защищаясь, опрокинула на него кастрюлю с горячим борщом. Муж отозвался мощным ударом в челюсть, отчего Мила месяц не могла разговаривать, жевать и спать на правой щеке, а спустя некоторое время обнаружила, что фасадный зуб у нее развернулся на 30 градусов. Улыбаться отныне Мила могла только левой стороной рта, отчего получалась кривая и какая-то хищная ухмылка. Самым скверным было то, что омерзительная драка была от начала до конца запечатлена сыном Мироном. Он тихо и молча простоял в дверном проеме, с каким-то странным блеском в глазах наблюдая за битвой двух родных людей.

С этого дня Юрий повел себя как оскорбленный, ограбленный собственной женой муж. Он практически перестал бывать дома, зато его частенько видели в заводском общежитии пьяненьким, с бутылкой шампанского и цветами.

– Гуляет от тебя мужик-то твой! – заикнулась как-то соседка в лифте. И рассказала, что работает в той общаге вахтером и доподлинно знает, что Милкин Юрий пользуется среди барышень повышенным спросом. – Его хватает сразу на троих девок! Причем, малолеток! Смотри, Мила, как бы ему срок не впаляли за это! Развращение несовершеннолетних называется. Мне тебя жалко и Мирона. И Юрию я не раз говорила, чтобы прекратил творить безобразия. А он, мерзавец, только усмехался. Я тебя предупреждаю: еще раз в мою смену засеку твоего мужика, вызову милицию, так и знай.

Мила тогда тупо тарашилась на соседку, удивляясь глухой пустоте внутри себя. Ей не было ни больно, ни обидно за измены мужа. Они давно перестали делить постель и спали отдельно, придумывая каждый вечер причину нежелания и понимая, что это уже давно лишнее. Единственная эмоция, всколыхнувшая Милу, касалась малолеток. «Как он может спать с девочками, которые ему в дочки годятся?» – похолодела она от этой мысли. И вспомнила, как менялось выражение глаз мужа, когда речь заходила о девочке, которую она, по его мнению, обязана была родить вместо Мирона.

– Ты не понимаешь, как это здорово: девочка, которая еще не до конца оформилась, но уже у нее появилась грудь, попка стала «улыбаться»! – говорил Юрий со странным выражением лица.

– Да ты маньяк! – ужасалась Мила.

– А ты дура, – парировал Юрий. – Просто я люблю нежные создания, мягкие... Не то, что ты – тощая и грубая!

И вот на тебе! Дорвался-таки! Совращает малолеток! Позор-то какой!

– Ты смотри, меня не выдавай! – попросила соседка. – Не то твой охальник мне напакостит. А я не хочу из-за него работу терять. Мне каждый рубль дорог.

Мила машинально кивнула и потащилась домой, где уже проснулся и хрипло кричал больной Мирон.

Тогда Мила и придумала месть мужу. Не столько, чтобы сделать ему больно, сколько для того, чтобы окончательно вышибить Юрия из собственной души. Ведь та часть, где он еще обитал, все-таки ныла от обиды.

В тот вечер она не пустила мужа домой. Выставила к лифту сумку с его вещами и сказала через дверь, что он свободен и может идти трахаться хоть с самосвалом, если уж считает себя половым монстром. Муж стоял под дверью, звонил и колотил ногами, кричал, что убьет «змею подколенную», что она отняла у него сына, единственное создание, которое он всегда искренне любил... Пока он молотил прочую подобную чушь, Мирон парил ноги в ведре с горчицей и обливался то ли потом, то ли слезами. Когда же слышать вопли отца, которого мальчик – к удивлению Милы – безумно любил, стало невыносимо, Мирон вытащил ножки из горячего ведра и зашлепал в мамину спальню, узнать, почему она не открывает отцу дверь. А в маминей спальне в этот момент тоже было горячо. Настолько, что мальчик не мог разобраться, кто те люди, которые кувыркаются в маминей кровати абсолютно голыми. И если один из них мама, то почему она позволяет какому-то дядьке прыгать на ней и вместо того, чтобы столкнуть с себя, напротив, прижимает все крепче. Даже 5-летнему малышу увиденная картина была ясна без слов: чужой дядя целовал его маму, а родной папа одиноко бился под дверью.

– Мама, там папа писол с аботы, – негодующе сказал малыш. – Надо двей откыть, дай мне клють.

В ответ с мамы скатился какой-то голый человек, сама она встала с постели вся растрепанная и злая, схватила сына за руку и оттащила в его комнату:

– Парь ноги и не парь мне мозг. А твой папа пусть покричит, ему полезно. «Вырастет, объясню!» – подумала Мила, мысленно отругав сына за непоседливость, а Господа Бога – за нестыковку спланированных ею событий: в планы Милы не входил такой концерт. Она рассчитывала, что вернувшемуся с работы Юрию быстро надоест топтаться под дверью, он оскорбится и уйдет. Чтобы ребенок не путался под ногами, Мила посадила его парить ноги и поставила диск с мультфильмами. Обычно Мирон забывал обо всем, в сотый раз глядя «Ну, погоди!». Таким образом, у Милы было как минимум 40 минут на секс с парнем, которого она пригласила провести с ней вечер, чтобы вытравить из души неверного супруга, отомстить ему, выбить клин клином. Когда же стало ясно, что концерт все-таки состоится, Мила крепко впиалась в губы парня, чтобы не задавал вопросов. А тут – Мирон.

Парень был ничего себе. Звали его Олег. Они жили в соседних домах и периодически вместе оказывались то в транспорте, то в очереди в магазине. Олег всегда пропускал Милу вперед, пытался заговорить, поедал ее глазами и не мог скрыть огорчения, впервые увидев ее в положении. Накануне вечером он спустился в ларек за сигаретами и увидел Милу, сидящую на лавочке. Застывшими глазами женщина тупо смотрела перед собой, не замечая ни с любопытством поглядывающих на нее прохожих, ни густо идущего снега, ни надвигающейся ночи. То был момент осознания предательства и выработка нового умонастроения для того, чтобы как-то жить дальше.

Олег молча сел рядом. Мила тихо заговорила. Рассказала все, что сейчас узнала о своем муже от соседки. Сказала, что больше не может вот так – жить с человеком, который уродует ее душу нелюбовью. Ее тело не знает ласки, уши не слышат добрых слов, ребенок растет как трава. От слов «ты должна», «счастье семьи в руках женщины», которыми муж хлестал ее в минуты просвещения, она готова повеситься.

– Счастье строят двое, понимаешь?! – кричала мужу Мила. – Я – кирпичик в его стену, и ты – кирпичик. А если только я, одна, строю этот дом, то он окажется непрочным, рухнет рано или поздно!

В ответ Юрий усмехался удовлетворенно и произносил:

– Вот видишь! Ты совершенно непригодна к семейной жизни, раз не понимаешь значения и роли женщины в доме.

– Но ведь и ты должен заботиться! Обо мне, о сыне, о нашем будущем!

– Я никому ничего не должен, – чеканил муж. И Мила чувствовала себя совершенной идиоткой, не понимающей самых азоров жизни.

– Объясни мне, в чем моя вина? – трясла за рукав Мила молчаливо сидевшего рядом с ней незнакомого парня.

– Чужая семья – потемки, – отозвался тот. – Вот так, с кондачка не поймешь. Зачем живешь с ним? Почему не разведешься?

– А ты что, совсем дурак? Не понимаешь, почему бабы семью сохраняют? Кормить-то меня кто-то должен. И сына моего.

– Но ведь этот период, когда женщина вынуждена жить с нелюбимым, не вечен. Однажды ты станешь самостоятельной и начнешь новую жизнь. Она вполне может сложиться успешно. Ты вон, какая красивая. Если еще и характером удалась...

Мила усмехнулась. Чем-чем, а характером она, действительно удалась. И лично ее он устраивал абсолютно. Окружающие, правда, вечно выражали недовольство, ну, да это их проблемы.

– Приходи ко мне завтра вечером, – неожиданно сказала Мила. – Я бы сама с тобой куда-нибудь двинула, да ребенок приболел, не с кем оставить. А муж... Опять куда-то уехал... Приходи, попьем чаю, пообщаемся...

Видимо, что-то интригующее, манящее прозвучало в интонации Милы, отчего Олег ласково посмотрел на нее и сказал:

– А что? Вот возьму и приду!

Про «муж уехал» Мила обронила, конечно, намеренно. Чтобы парень точно пришел. Она уже на скамейке той все решила про месть Юрию. Одного не учла: сына.

А на него произошедшее – постельная сцена матери и чужого мужчины и обиженные вопли отца за дверью квартиры – произвело неизгладимое впечатление. Можно сказать, что с того момента мальчик стал воспринимать жизнь как месть матери. Тогда-то он и появился, этот насмешливый, полный яда и вместе с тем беспомощности взгляд, от которого Миле всякий раз становилось не по себе. Тогда же и треснули ее отношения с сыном. Да, собственно, много чего произошло с того момента. В первом классе у сына появились порно-карты, потом порнофильмы. Потом засосы на шее и табуны девчонок, желающих провести время с самым крутым мальчишкой их двора. Потом требовались деньги им же на аборты и лечение в КДН...

Милу Мирон категорически перестал слышать и слушать, ее замечания воспринимал как посягательство на личную жизнь и непременно напоминал о том вечере, когда в одно мгновение перестал быть ребенком – любимым и любящим. Ответом на любое замечание матери теперь стала равнодушная спина.

Где-то в 13 лет Мирон впервые повысил на мать голос, когда она попыталась запретить ему бежать в компьютерный клуб, где он в промежутках между изучением девчоночьих тел в Интернете зависал с ребятами, играя в виртуальные бои, кого-то сладострастно убивая, расчленяя, уродуя.

– Ты живешь в кошмаре! – орала на него Мила, пряча ключ от входной двери. – Ты понимаешь, что из тебя может вырасти насильник, убийца? Тебе надо учиться, сегодня без хорошего образования человек ничего не добьется, он просто никому не нужен!

– Тебе я давно не нужен, – отрезал Мирон, полоснув по матери тем холодным, циничным взглядом, который впервые Мила заметила у него в момент пребывания в постели с Олегом...

С годами Мирон из чахлого ларингитника с диким лающим кашлем превратился в крутого мускулистого прожигателя жизни, в неуправляемого самца, каким Мила категорически не желала видеть сына.

Муж мести Милы воспринял своеобразно. Он просидел всю ночь под дверью, двинул в челюсть вышедшему утром из квартиры Олегу, пообещав его убить, потом вошел в квартиру и... начал жить так, словно ничего не произошло. То есть, сам по себе. Как квартирант, который вынужденно отстраненно-вежливо общается с хозяйкой жилья по имени Мила и по странному стечению обстоятельств – его «однофамилицей». Она расценила это как его слабость

и приняла негласное соглашение «жить ради ребенка», который рос проблемным и словно чужим. Милой двигал обычный страх не управиться с сыном, если не дай бог, что-то случится серьезное. В конце концов, почему это серьезное должно упасть на плечи только ей? Пусть папаша тоже почешет репу, когда гром грянет...

Что же до Олега, то он сошел с небосклона Милы так же неожиданно, как и взошел на него. Он быстро понял, что главное препятствие в их с Милой отношениях – ее сын Мирон, который становился агрессивным и истеричным всякий раз, когда Олег приходил к ним в дом или встречался на улице. «На тебе я бы женился с радостью. Но твой сын всегда будет стоять между нами. А вместе с ним и твой муж. Я не готов к этому», – сказал Олег и ушел из ее жизни. Мила не страдала. Она разучилась страдать. Она научилась считать женские страдания глупостью чистойшей. Ее душа вскоре адаптировалась к новым условиям жизни – со ставшим ненавистным человеком в статусе мужа-квартиранта, с сыном, который вел как натуральный оторвыш, к жизни без любви, без понимания. «Что ж, буду пробиваться сама! Мы еще посмотрим, ху из ху!».

XXX

... Оценив в зеркале морщины – свидетельниц этого самого пробивания, Мила тяжело вздохнула. Нет, думать об этом нельзя. Потом. Сейчас у нее в гостях любимый мужчина – Валерий, от одной мысли о котором у нее кружилась голова. «Господи, как же сильно я на него подседа!» – подумала Мила, запуская руку в карман любимого.

Что она хотела там найти? Ничего. Ею просто двигал страх упустить, проглядеть что-нибудь чрезвычайно важное, что может изменить, сломать ее жизнь. Она понимала, что эта болезненная привычка появилась у нее после ситуации с брюками мужа, но ничего поделать не могла. Более того, она ловила себя на том, что заглядывает в карманы не только мужа, сына и любовника – у нее появилось устойчивое желание нырять в столы, в личную электронную переписку сотрудников. Мила хотела знать все о подчиненных. И это ей во многом удавалось. Оправдывала она свои действия тем, что созданный бизнес ей безумно дорог, что она не имеет права по глупости, по отсутствию информации или по несвоевременному реагированию разрушить его. Оправдание казалось Миле столь весомым, ну просто жизненно важным, что она совсем перестала стесняться этой своей особенности. И если бы ее кто-нибудь застал за столь постыдным занятием, она бы выдала такую теорию, что этот кто-нибудь перед ней бы еще извинялся за то, что помешал процессу досмотра своих же личных вещей.

Мила ухмыльнулась и запустила руку сначала в карман рубашки Валерия, затем в брюки. Выудила оттуда стопку документов – паспорт, пропуск в издательский дом, карту проезда на метро, бумажник с двумя сотнями долларов. О, а вот это уже интересно! Мила вытащила из отсека портмоне фотографию. Опаньки! Какая красотка! Ну, просто фотомодель! Жена? Любовница? Дочь?

– Ну, вот, я так и думал! – раздался за спиной голос Валерия. Увлеченная процессом изучения фотографии Мила не услышала, как смолк шум воды в ванной, как скрипнула дверь. Она ощутила дыхание Валерия за спиной и резко развернулась. Глаза заметались, на лице проступили следы гнева – это была единственная спасительная реакция в данный момент: уличить в ревности, чтобы услышать слова утешения. Или, если повезет, любви.

– Я специально прихватил эту фотографию, – не смущаясь и не злясь совершенно, сказал Валерий. – Эту даму зовут Маша, она сделала себе пластическую операцию. Маша – настоящий врач: прежде, чем предлагать пациентам операции, она опробовала их на себе. Думаю, нам не мешало бы написать о ней в нашем журнале.

– Вот еще, буду я рекламировать эту тетку бесплатно! Ты же знаешь, как нам деньги нужны! – Мила слегка оправилась от шока, будучи пойманной с поличным, и теперь к ней воз-

вращался ее стервозный характер. Она общалась только с теми людьми, у которых было много денег. Она писала в своем журнале только о тех, кто мог заплатить, а точнее – переплатить за публикацию. Все остальные люди для нее были не люди. Даже если они были столь красивы как эта дама на фотографии. Но у этой дамы, судя по всему, деньги были. Ибо пластическая операция стоит весьма прилично. Так что...

– Видишь ли, Мила. Тут возможен бартер. Мы пишем о Маше, а тебе она со значительной скидкой делает операцию. Точнее, операции. Ты же хочешь не только грудь подправить? Можно заодно и лицо сделать. Видишь, как я тебя люблю! Обо всем подумал, все предусмотрел!

– Кроме одного, – фыркнула Мила, – моей готовности к революции. И потом странно мне это: вроде ты настоящий мужчина, не трансвестит какой-нибудь, не метросексуал, а пластикой интересуешься, да еще и любимую женщину под нож укладываешь!

– Глупая. Не укладываю. Не хочешь, не ложись, закроем тему. Просто я же вижу, как ты меня к каждому подолу ревнуешь, как на других женщин завистливо смотришь. Вот и сегодня, будь ты уверена в себе, разве полезла бы ко мне в карман? Короче, думай, птичка моя! А я пошел. Да, и вот еще что: твои подозрения могут вывести из себя кого угодно. Тем более, если человек к тебе расположен более, чем просто дружески. Я понимаю, что ты недоверчива, но не до такой же степени, чтобы проверять карманы?! Давно хотел сказать: когда твоя интуиция снова забьет тревогу в отношении меня, подумай, что это может быть ее лебединая песня. Когда человеку не верят или в чем-то постоянно подозревают, трудно быть искренним. А жить и оправдываться постоянно, объяснять каждый свой поступок я не хочу. Не в том я возрасте.

– Так ты не останешься у меня? – миролюбиво проскулила Мила. – Обещаю: засуну свою интуицию под подушку!

– А ты хочешь, чтобы твой муж или сын нечаянно вернулись и набили мне фейс, чтобы самому пришлось пластику делать? Уж извини! – Валерий быстро оделся и пошел к двери. – Понятно, что ты женщина вольных принципов, но не до такой же степени, чтобы легализовать любовника?

Мила вздохнула, поклялась себе выгнать мужа взащей и покорно побрела следом за Валерием. Сейчас она была вполне себе женщина – слабая, зависимая от этого плечистого коренастого мужика, жаждущая любви и понимания и готовая всю себя отдать по каплям.

– Не кисни! – произнес Валерий, мгновенно оценив изменения в настроении Милы. Его взгляд скользнул по ней, не то лаская, не то оценивая. Она на миг представила, что он сейчас уйдет и – все, больше никогда не увидит его, не ощутит его терпкий запах, не укусит за мочку уха в момент высшего наслаждения, что он просто променяет ее, Милу, на какую-нибудь Машу, Катю или Марину... И как ей тогда жить? Она умрет. Потому что не сможет без него.

За Валерием закрылась дверь. Мила сползла по ней на пол и бессильно уронила руки.

Сколько она просидела вот так, неизвестно. Очнулась в неразобранной постели, одетая, в тапочках на ногах и не могла понять, где она и что с ней. И явь ли это или продолжение странного сна. Такого Мила еще ни разу не видела и вообще не верила в то, что сны бывают вещими, астральными и судьбоносными. Для практичной и материалистичной Милы эти рассказы были бредом. Но вот сегодня...

... Она смотрела в небо, в котором висел огромный вертолет. Лопастей его замерли, гул мотора нарастал, внутри вертолета металась люда. Миле их лица показались странно знакомыми. Эти люди выглядывали в иллюминатор, показывали на стоящую внизу Милу пальцами и что-то бурно обсуждали между собой. Лица у них были злыми, если не сказать, гневными. Мила подумала: «Какие странные, глупые люди! Они сейчас упадут и разобьются! Им себя спасать надо, прыгать с парашютом, а они планируют, как расправиться со мной, намереваются свести счеты!». И в этот момент вертолет начал падать. Сначала медленно, потом все быстрее. Мила понимала, что она выбрала не очень удачное место для обозрения трагедии.

Но ноги были пудовыми, и она не могла сделать ни шагу, лишь в ужасе ждала, что же будет дальше. А вертолет падал, увеличиваясь в размере. Гул его нарастал так, что стал попросту нестерпим. Мила не выдержала и закричала. Она почти физически слышала голоса людей в вертолете, пилот которого будто специально направлял машину прямо на Милу. Она закрыла лицо руками и стала прощаться с жизнью. Последний миг сна должен был запомниться тем, что Мила бы отправилась к праотцам. Но она проснулась.

Сердце бешено колотилось. Где-то внутри гнезвился животный страх. Этот сон показался важным, самым важным из того, что Мила вообще когда-либо видела и слышала. Где-то она читала, что непонятые, недосмотренные сны можно досмотреть, если заставить себя тут же снова заснуть, сосредоточившись на последнем фрагменте сновидения. Но Мила почему-то боялась возвращаться в свой сон. Боялась тех людей, что грозили ей из окон иллюминаторов.

Сердцебиение постепенно улеглось. За окном начинался новый день. Грустная, противная осень нагло вытеснила бабье лето. С улицы на Милу смотрели облетевшие тополя и дубы, кое-где на рябинах краснели гроздья ягод. Прокаркала ворона на улице. Ткнулся клювом в стекло голубь. «Говорят, это к известию, – подумала Мила. – Встать бы посмотреть, белый или черный? Какой новости-то ждать?» Судя по сну, ничего хорошего сегодня не предвиделось. Стоит ли множить негативные эмоции? Голубь еще раз ткнулся, прокурлыкал что-то, как бы отвечая Миле на ее мысли, поцокал по подоконнику и улетел.

Мила посмотрела на часы. Было 6 утра. Надо вставать, собираться на работу. Она с трудом поднялась. В голове промелькнула мысль, не покидающая ее уже несколько месяцев: пора в отпуск! Подтверждением этих слов стала опухшая со сна тетка с обвисшей грудью, с одутловатым лицом, с безобразными морщинами, смотревшая на Милу из зеркала в ванной. Как же здорово, что Валера не остался у нее на ночь! Все-таки он деликатный человек! А то увидел бы сейчас свою Милашку в натуральную величину и бежал бы со всех ног к своей новоявленной Машке. А может и бегае уже. Мила вдруг поняла, что даже, если узнает о факте измены Валерия, даже, если застанет его на месте этого преступления, не сможет отказаться от него, не сможет отпустить к другой.

– И что же, будем втроем жить? – усмехнулась Мила своей дурацкой мысли. Делить своего мужчину с кем бы то ни было, в ее планы не входило. А вот побороться за него – можно. И нужно.

– В конце концов, чем я рискую? Ничем. А потерять могу все. Валерию надо спасибо сказать, что подвинул меня на революционное преобразование собственной внешности. – Мила прислушалась к себе. Что-то мешало ей энергично приступить к реализации проекта омоложения. Хотя круг, в котором она по роду деятельности вращалась, давно и не по одному разу посетил пластических хирургов – и мужчины, и женщины. Кто ноздри себе «рисовал» более эффективные, кто уши. А уж круговую подтяжку лица и шеи, накачку силиконом губ вообще сделала каждая вторая дама. А тут Миле такой шанс предоставляется – за рекламную публикацию не просто кардинально изменить внешность, но и стать по-настоящему желанной, а значит, счастливой! Экономия денег опять же, которые на дороге не валяются.

Но что-то смущало. Страх, что операция может пройти неудачно? Сомнения в искренности Валерия? Подозрение, что он ведет какую-то непонятную игру против нее? Например, он надумал выкурить Милу с работы под благовидным предлогом и завладеть ее бизнесом?! Ведь послеоперационный период, особенно, если речь идет о подтяжке лица, потребует времени...

В комнате пропел мобильник. Погруженная в невеселые мысли Мила машинально вышла из ванны и взяла трубку.

– Даю голову на отсечение: ты сегодня плохо спала, а сейчас думаешь, не враг ли я тебе, что подталкиваю к операции, – на «трубе» висел Валерий.

Его голос в мгновение заполнил все существо Милы, растворился в ней, и если бы он сейчас сказал, что она должна прыгнуть в костер, она бы сделала это, не задумываясь. Мила

впитывала в себя тембр голоса любимого мужчины, который в седьмом часу утра был свеж и бодр, а от его тела, казалось, через трубку мобильного исходил терпкий запах, от которого Мила всегда теряла рассудок.

– Так вот, звоню сказать тебе: если есть хотя бы малейшие сомнения в моей ли искренности, в твоём ли желании, в компетенции доктора или исходе операции – не делай ее ни в коем случае. Я даже решил сам дать отбой Маше. Прости, Милашка, что заставил тебя вчера понервничать.

– Нет-нет, Валер, ты все правильно говорил. Возраст женщины не должен отпечатываться ни на лице, ни на фигуре. Это признак хорошего тона. И тебе нечего извиняться. Это я должна просить прощения за то, что усомнилась в чистоте твоего предложения. В конце концов, я хочу стать красивой для себя, понимаешь? В первую очередь – для себя. А если это доставит радость и тебе, то я буду счастлива вдвойне. Давай мне телефон этой Маши. Сегодня же поеду к ней. А ты порули за меня в конторе, ладно?

– Не вопрос. Но ты сразу мне позвони, как только проконсультируешься с Марией. Может, надо будет поискать другую клинику. Короче, я на связи. Целую тебя.

– И я тебя.

Мила дала отбой и пошла готовить завтрак. Настроение поднялось настолько, что она готова была лечь под нож хоть сейчас, только бы это ощущение счастья никогда не покинуло ее, только бы Валерка любил ее, заботился о ней и был рядом.

Чашка сваренного кофе с мороженым крем-брюле, тонкий ломтик сыра с плесенью и – Мила испытала радость от осознания самого факта жизни. Конечно, она сделает пластическую операцию. Сделает, потому что благодаря ей она станет моложе и еще красивее.

Уточнив по телефону в разговоре с доктором Марией время консультации, выразив легкое недовольство на предмет невозможности нанести визит во второй половине дня,

и обсудив, как быстрее прорваться сквозь утренние кордоны московских пробок, Мила надела роскошное нижнее белье, облачилась в кожаные джинсы, куртку и вышла из дома. У порога особняка блестела «любимая девочка» – автомобиль БМВ или, по-простому, в зависимости от настроения, «Бэха», «Бэшка», «Бэшечка».

Глава 2

Это невыносимо. На часах всего-то 8.00 утра, а хвост из машин растянулся по всей длине Лихачевского шоссе.

– Достали уже эти пробки в Долгопрудном! – ругнулась Мила, со всей силы вдавив педаль тормоза своей «Бэшечки» в пол и чуть не врезавшись в задницу танцующего впереди «Фольксвагена». Его водила на ходу решал дилемму: пойти на обгон справа, утопая по самые окна в грязюке, или нюхать зад проклятого мусоровоза, неспешно ползущего к полигону бытовых отходов, или вильнуть влево и получить лобовой удар.

– Вот урод! – Мила раздражалась все больше и ее «девочка», второе и последнее после Валерия любимое существо, издала дикий воинственный вопль, от которого водитель «Фольксвагена» дернулся, высунулся из окна, потряс окладистой бородой и изобразил на пальцах то ли матерное ругательство, то ли искреннее извинение.

Выбираться по утрам из Долгопрудного стало пятикилометровой проблемой. Ближнее Подмосковье вообще расстраивалось со страшной силой, а Долгопрудный был ну очень привлекательным ПМЖ. За лето здесь вырос целый новый высотный микрорайон, пришлого люда привалило немерено.

Покупатели квартир – зачастую обладатели прописок южного порубежья бывшего СССР – активно привносили в Долгопрудненское бытие кавказские и таджикские настроения. Мужчины реализовали себя в браке с москвичками и даже брали их русские фамилии. Профессио-

нальный зуд удовлетворяли за баранкой маршрутных такси, бойко бегающих по московским и Химкинским подворотням до Речного вокзала, чистили мусоропроводы или ласково и честно торговали витаминной экзотикой, раскинув полосатые шатры рядом с супермаркетами. Мила иногда затаривалась у них испанскими плоскими персиками и бакинской фей-хоа. Так было проще убить голод и лишиться счастья расти в объеме свою фигуру.

Мила пару лет назад приобрела в Долгопрудном вполне симпатичный двухэтажный особнячок, в который, покорно заглядывая Миле в глаза, переехал муж-квартирант и сын-оторвыш. В силу профессиональной занятости встречались они под одной крышей в лучшем случае на ночь, поутру разъезжаясь или разлетаясь в разные части света. Мила – как сотрудник издательства, ее муж – как ученый-экономист, в коего успел переквалифицироваться – будучи мастером цеха соблазнил однажды дочурку какого-то важного папы. Этот же папа отстегнул Юрию неслабую сумму, чтобы тот думать забыл о его дочери, уже помолвленной с известным политическим деятелем, который тому папе представлялся куда более приличной партией, нежели откровенный альфонс Юрий. Ту неслабую сумму Мила вычислила в момент, как и факт измены. Исполнилась праведного негодования и дилемму «дрянной муж с деньгами или роскошный дом с дрянным мужем, которого все равно выгоню» решила в пользу дома. И деньги того папы чудесным образом легли в фундамент особняка, предрешив судьбу Юрия.

Мирон в этой семейной обойме играл роль праздно блуждающего элемента, не особо пытающегося найти себя в океане профессий и возможностей, которые предоставляли ему родительские кошельки.

... «Урод» в «Фольксвагене», наверно, спиной почувствовал флюиды злобной фурии и перестал суетиться за рулем. Однако его «задница» мешала Миле пойти на обгон. Она вышла из машины и, несмотря на кряканье клаксонов позади ползущих автомобилей, подошла к бородатому, чтобы сказать, как он ей надоел своими маневрами. Мужик за рулем расплылся в улыбке и жестом показал, что не возражает против присутствия этой дамы в своем салоне. Мила сделала вывод, что он явно юродивый и почтет за честь, если она сейчас побьет ему стекла, проколет шины и в довершение вырвет бороду с корнем. Мила пожелала ему всех черт в помощь, крикнула, что если он сейчас не уберет свой зад, она его просто расплющит, и вернулась в машину.

Резко выкрутив руль вправо, она окунула колеса своей «девочки» в грязную жижу по самое «не хочу!» и пошла на обход длиннющего хвоста застрявших в пробке автомобилей. Бородатый шофер «Фольсвагена» проводил ее испуганно-восхищенным взглядом – в любой момент навстречу могла появиться встречная машина...

А на выезде из Химок на Ленинградском шоссе уже «поцеловались» фура с «Окой». И пока их водители ждали ГАИ-шников, угрожающе помахивая перед носом друг друга монтировками, десятки машин торчали в пробках в ожидании, пока этих двух козлов растащат на обочины.

– Купят права, а ты из-за них страдай! Пoubивала бы... – Мила в сердцах ударила кулачком по клаксону. «Бэшка» неудобоваримо огрызнулась и, подпрыгнув на месте, понеслась дальше. До следующей пробки.

В таком ритме Мила добиралась до работы каждое утро и к великому изумлению охранников никогда не опаздывала. А самые языкатые из сотрудников вообще считали, что Мила ночует в издательстве, что у нее нет никакой личной жизни и что она вообще в свои «бабаягодные» годы фригидная климактерическая стервь.

Мила знала, что коллеги ее не любят. «Завидуют!» – объясняла она себе это обстоятельство. И ведь было, чему. Во-первых, Мила была натуральная блондинка, что модно во все времена, а нынче особенно. У нее никогда не прорастали на макушке мерзкие черные корни, и она всегда с высокомерной усмешкой провожала взглядом блондинок обесцвеченных – не удостоившихся небесной или генетической чести иметь статус белокурой. Мила гордилась своими

шикарными белыми, с легкой позолотой волосами, носила прическу каре и горевала о времени, когда заплетала свои чудные волосы в толстенную косу. Причина изменения прически была в возрасте: каждый день рисовал на лице новые морщинки, а кожа все больше обвисала на щеках. Скрыть это безобразие помогала именно прическа каре и частое мотание головой, что не давало собеседнику концентрировать внимание на изъянах лица. Но коса шла Людмиле больше.

За змеевидное поведение этого произведения искусства ее в детстве так и звали Змеей. Метровая косища плавно струилась по спине, когда юная Мила бывала в благостном расположении духа, или внезапно выскакивала из-за спины, ударяя по ушам недругов, если Мила злилась и резко забрасывала косу через плечо. Примерно так вел себя и Людкин язык.

– Вот, если бы тебе жало вырвать, и превратить тебя из злобной кобры в беззащитного ужа, я бы, может, и поверил, что ты способна любить в принципе, – сказал ей на выпускном вечере одноклассник Вовка, которому Мила сама предложила, что называется, руку и сердце. Он отказался. С того момента она поставила на сердце заглушку. О том, чтобы задуматься над сказанным, пересмотреть свое поведение и отношение к людям, не было и мысли. Девочка вступала во взрослую жизнь полная яда, слегка прищурив серые глаза, чтобы не выдавали откровенной нелюбви к людям, окаменев душой от отказа Вовки, по которому томилась всем своим красивым и стройным телом весь 10 класс...

Да, именно фигура Милы была тем самым «во-вторых», за что ей завидовали все без исключения разновозрастные особы женского пола. Мила была как статуэтка – аккуратная, с красивыми округлыми бедрами, маленькой грудью, малюсенькой ступней. Игрушка – не женщина. Она позволяла себе носить и обтягивающие брюки, и ультра-мини, и высоченные шпильки. В любой одежде была эффектна, сногшибательна! В ее-то уже далеко не молодые годы так высоко держать марку, не приложив для этого никаких хирургических усилий – это надо было суметь. О том, что, борясь с послеродовыми растяжками на животе, она еженедельно турзучила свое тело на тренажерах в фитнес-центре, устраивала разгрузочные недели и вообще давно перешла с нормальной еды на таблетки и витамины, Мила предпочитала молчать. Пусть думают, что ее красота – натуральна, естественна, что в свои годы она способна заткнуть за пояс любую ровесницу и дать фору молодежи.

Но годы упрямо делали свое дело, уродуя грудь и лицо. И мысли о былой красоте причиняли боль.

Мила грустно усмехнулась своим мыслям, въезжая на стоянку машин клиники пластической хирургии: «Дожила! Буду себе новое тело делать».

Зато она лихо и ловко водит свою «Бэшечку», что тоже всегда было предметом зависти многих. Мила не стеснялась говорить, что за руль машины села всего пару лет назад, когда, как утверждают специалисты, женский мозг почти не способен к реактивной деятельности. Да, она пару раз ударяла машину. Особо жалко не было, поскольку в этой «девочке» были сосредоточены минимальные личные средства, ибо в основном машина состояла из денег издательства, купившего несколько служебных машин для руководства. А Мила умудрилась взять «девочку» в личную собственность, оформив хитрый кредит, который теперь дружно выплачивал весь ее отдел в виде неких загадочных «профсоюзных взносов» в размере 5 процентов от оклада ежемесячно. Сотрудники каждый месяц по этому поводу глухо урчали, но до разборок дело не доходило, а если бы дошло, Мила без церемоний выставила бы таких умников за дверь. Да еще и зарплату им не выплатила. Были такие случаи.

Отдел издательства, который она возглавляла, назывался Дирекцией оригинальных проектов. Это был придаток к одному известному издательскому дому. Выпускала Мила ряд журналов на злобу дня: для деловых дам, готовых выложить в одночасье 100 тысяч рублей за рекламную полосу в надежде на то, что сработают заоблачные тиражи и дамы обретут партнеров и инвесторов по всей России. Для губернаторов, желающих показаться перед федераль-

ной властью умелыми хозяйственниками и потому с готовностью подписывающих миллионные договоры и тоже рассчитывающих на славу о своих достижениях благодаря тиражам...

Мила умело угадывала общественные настроения, ловила актуальную тему и под нее находила рекламодателей. Точнее, не она находила, а ее подчиненные. И в том, что они это делали высокопрофессионально за сущие копейки, и заключался талант Милы. И она это знала. «Блестящий менеджер!» – гордилась собой Людмила Николаевна Грызун. И никому под страхом смертной казни не призналась бы, что огромные тиражи эти чистой воды липа, что печатает ее дирекция максимум пять тысяч экземпляров, которые по выходу из типографии мирно покоятся в стенных шкафах в кабинете журналистов. Нет, конечно, штук сто-двести экземпляров попадают в регион, о котором пишут, спецсвязью. Но вся Россия о достижениях своих субъектов не в курсе. А журналисты, у кого мозги шевелятся, и кто умудряется докопаться до истины, обычно тотчас увольняются, ошалев от такой дерзости своей начальницы. Или начинают «поднимать вопрос», что заканчивается опять же увольнением, правда, в этом случае ему сопутствует жесткий прессинг, хронометраж рабочего времени и прочие административные загогулины.

Оставался, конечно, еще один вариант: всё зная и понимая, сцепив зубы, терпеть и параллельно искать работу в другом месте. Но это уже проблема. И, разместив резюме в Интернете, в ожидании предложения о новой работе журналисты смиряли гордыню, терпели и впахивали – просто потому, что очень любили свою профессию.

Шефиня знала и это. «Блестящий психолог!» – ласкала себя словами Людмила Николаевна Грызун. И строила бизнес по принципу: сорвать куш сегодня, а завтра – трава не расти. У нее не было ни концепции, ни бизнес-плана, ни системы, ни даже сквозной рекламы. Каждый номер журнала выпускался как первый и последний. И каждый раз журналистам приходилось работу начинать с нуля.

Коллеги в других изданиях сломали головы, пытаясь понять, на чем держится бизнес Грызун. А поняв, что ни на чем, лишь на сплошной бессистемности и хаосе, на одном жгучем желании иметь много денег и обмануть каждого, у кого в кармане или на счету есть хоть какая-то сумма, – жутко удивлялись и говорили: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда!». Ну, или так: «В конце 90-х такое ведение бизнеса в России еще было бы возможно, но сегодня...»

«Блестящий работодатель!» – думала о себе всякий раз Мила, с гордо поднятой головой и прищуренным взглядом пересекая проходную издательства, где по обыкновению толпились страждущие попасть к ней на собеседование. Она уже успела сделать им по телефону «выгодное предложение с оплатой по европейским стандартам». Разумеется, благоразумно умолчав о том, что это лишь красивые слова, а действительность, которая проявится через пару недель, окажется ну очень жестокой и не соответствующей первоначальным обещаниям. Которые, разумеется, Милашка тут же забудет. Ибо главное с минуты подписания договора – выжать из сотрудника, на первых порах готового на любые подвиги, все соки. Даже те, о которых он и не подозревал.

Вас это удивляет? Напрасно. Милочка Грызун лишь слепок того механизма «работодательства», который сегодня успешно используют многие, оседлавшие директорские и редакторские кресла, граждане. Скорее исключение из этого правила целевое использование сотрудника, адекватная труду оплата, честные партнерские отношения, вменяемые требования и вообще профессиональный подход к работе. Увы и ах.

Ежемесячные миллионы, которые ценой невероятных усилий сотрудников удавалось заработать дирекции, Милашке очень хотелось положить в собственный карман, но нужно было поделить их с генеральной директрисой Татьяной Андреевной Козленковой так, чтобы та позволила стареющей Миле еще несколько лет поработать на этом месте, которое давно облюбовала для себя Татьянина подружка. Эти две дамы дружно тусили по ночным клубам

вместе с учредителем и его друзьями. Милу в свою компанию они не брали, считая ее уже старой для подобного рода увеселений. Правда, однажды генеральная директриса, бросив на Милу оценивающий взгляд, процедила: «Со спины ты, Милка, ну просто конфетка! Но как только повернешься... Эдак ты всех рекламодателей распугаешь!». Мила обещала не распугать и старалась изо всех сил, зарабатывая миллионы и покупая на них право возглавлять самый сложный и самый денежный отдел издательства. Не позволяя себе брызгать ядом в сторону Татьяны и всячески демонстрируя ей свою лояльность и даже любовь, Грызун отрывалась на подчиненных.

XXX

... Заглушив двигатель своей «девочки», Мила прекратила внутренний диалог с самой собой и усмехнулась: еще немного времени и... О, что она тогда сделает! И с Татьяной, и с подчиненными, и, как знать, с Валерием. Мила посмотрела на себя в зеркало:

– Я ли это вчера вечером едва ли не вымаливала любовь у этого мужика? Я ли провела ночь на полу под дверью, мечтая о нем? Какая глупость! Так, Николаевна! Клянись себе, что более этого не повторится! Ты давно уже стала другим человеком, в твоей жизни давно нет места слюнявой жалости к себе, униженности и самобичевания! Ты – сильная, красивая, умная! Таких просто нет больше на земле! Пусть Валерий добивается моей любви, пусть доказывает своим трепетным отношением свои чувства! И пусть яблоком упадет к моим ногам!

Мила подмигнула себе, вылезла из машины и проследовала в клинику.

Вежливый охранник на входе полюбопытствовал на счет фамилии посетительницы, предложил надеть поверх сапог бахилы, проводил в гардероб и указал на лифт. Мила была совершенно спокойна. Ведь она идет пока всего лишь на консультацию, и в любой момент, если интуиция забьет тревогу, она соскочит с кресла или кушетки и рванет домой.

Мила была уверена, что интуиция реально является ее сильным местом. И считала, что совместное проживание с Юрием, а позже жесткий бизнес неким особым образом заточили «фибры души», которые позволяли остро чувствовать опасности, неприятности и даже несущих угрозу людей. Мила настолько верила в это, что даже приучила себя настраиваться на нужную волну, когда отправлялась на деловые переговоры или готовилась к собеседованию с кандидатами на вакансии.

Сейчас ее «фибры» были чуть напряжены, как бывает при встрече с неизвестным.

Мила поднялась на лифте на нужный этаж, бесшумно прошествовала по красной ковровой дорожке к кабинету с надписью «Пластический хирург» и толкнула дверь.

Сидящая за столом красотка с фотографии, выуженной вчера из кармана Валерия, встала и с улыбкой подошла к Миле.

– Добрый день! Рада видеть известную бизнес-леди медиа сообщества Москвы!

Мила радостно смутилась и опустила глаза, а доктор Мария стала пристально и внимательно разглядывать лицо и фигуру медийной дамы.

– Так, Людмила Николаевна, сейчас я буду говорить вещи, которые могут Вам показаться не слишком приятными. Но от них зависит ваше дальнейшее здоровье, жизнь и счастье. Вы ведь хотите быть любимой, хотите нравиться мужчинам или мужчине?

«Фибры» Милы заняли бойцовскую стойку, но наткнулись на что-то рыхлое и беззлобное. «Не конкурент!» – подытожила Мила и присела в кресло.

– Слушаю вас, доктор. Говорите все, что сочтете нужным. За этим я сюда и пришла.

– Людмила Николаевна, начнем с того, что за услугами пластических хирургов, как правило, обращаются зрелые люди. У которых утрачена эластичность кожи, появились возрастные дефекты не только на лице, но на груди, на животе, на ягодицах. Мы с радостью беремся

помогать пациентам и возвращаем им молодость. Многие, выходя от нас, реально начинают вторую, новую жизнь.

– Мария, что это вы меня уговариваете? Я, вроде, к вам сюда сама пришла, по доброй воле, в здравом уме...

– Нет-нет, я ни в коем случае не хочу вас обидеть! Простите, если говорю банальности... Просто, эффект пластических операций, процесс реабилитации зависят как от возраста пациента, так и от наличия имеющихся заболеваний. То есть, если вы всерьез надумали лечиться к нам в клинику, вы должны мне рассказать абсолютно обо всех перенесенных заболеваниях. Даже, если есть только подозрения на них. Мы понимаем, что чем старше возраст, тем больше вероятность наличия у пациента хронических болезней. И если бы нас интересовала только прибыль, мы не обращали бы внимания на многие из них.

– Видите ли, Машенька, – заворковала Мила. – Я прожила активную, можно сказать, бурную жизнь. И конечно, кое-что успела приобрести из числа недугов. Насморк, например, хронический. Аллергию на некоторые антибиотики. Грудь вот сегодня ночью побаливала. Ну, да это, скорее всего ерунда.

– Грудь и все, что с ней связано, ерундой быть не может. Тем более, если Вы хотите придать ей форму с помощью наших услуг. Знаете что, Людмила Николаевна! Давайте-ка сегодня мы с Вами сдадим все анализы, проведем консультации маммолога и гинеколога, и если все будет хорошо, наметим план действий. Договорились?

Мила кивнула:

– О кей! Только, если можно, давайте по-быстрому!

... Противнее всего было взбираться на гинекологическое кресло. Мила так давно это делала последний раз... Ей было странно слушать причитания знакомых дам на предмет женских болезней. Порой Миле даже казалось, что у нее какой-то особый пол – не мужской, конечно, но и не вполне женский. Характер, например, у нее с годами окреп настолько, что мужу и в голову не приходило после опрокинутой на него кастрюли с борщом поднимать на «бешеную Милку» руку, как впрочем, и в постель лечиться с «мужиком в юбке».

Мыслила Мила тоже мужскими категориями: главное на свете – работа, деньги, а всё, что мешает их множить, должно быть хладнокровно устранено из жизни, будь то опытные специалисты, друзья, близкие люди. В конечном итоге Мила и устранила всех, задвинув на задворки постылого мужа, ставшего чужим сыном и даже родную мать.

Нет, маманя была единственным человеком, которого Мила по-своему любила. Но общение с ней требовало гигантских затрат нервной энергии. Мать непрерывно чему-то учила свою великовозрастную дочь, сильно переживая за ее непутевую, не сложившуюся личную жизнь. Эталонем женщины для матери была умиротворенная, полная и мягкая женщина, обвешанная детьми, благоухающая пирогами и котлетами и спящая по утрам столько, сколько это требуется организму.

– А ты ради денег покоя не знаешь! Зачем тебе столько? Уже все есть, что надо для жизни. Дом в Подмоскovie, квартира в Москве, дача в Ростове, иномарку вон взяла недавно и все тебе мало! О семье, о душе подумай! Ну, хоть мужика заведи заваливающего, если с мужем не получается! А то ведь одолеют болезни женские! – сверлила мать дырку в голове Милы, и та по обыкновению бросала трубку или хлопала дверью, в зависимости от того, где происходил разговор.

Заваливающего мужика Мила не хотела. Ее устраивал Валерий. Настолько, оказывается, сильно устраивал, что она, смеясь, заявила гинекологу, что дико хочет срочно вызвать сюда любимого мужчину «для поднятия тонуса». Странное дело: стоило Миле лишь вспомнить о Валерии, как в груди поднялась волна то ли страха, то ли холода. «Господи, как же я боюсь его потерять!» – подумала она.

– Плохие новости, милая! – прервал размышления пациентки гинеколог Игорь Петрович. – Миома у Вас. Небольшая, но есть. Так что... Как минимум абдоминопластика противопоказана.

– Чего-чего?

Мила плохо соображала. Причем тут миома? И зачем ей абдо... Черт, какой урод придумал это не выговариваемое слово? Она и не собиралась делать эту дурацкую абдомину...

Мила неловко слезла с кресла, натянула трусы-стринги, колготки, присела на стул перед доктором и выпучила на него глаза:

– Вы о чем?

– О том, что если Вы не хотите заработать нарушение кровообращения из-за утягивания живота корсетом, я уже не говорю о возможных заболеваниях желудочно-кишечного тракта, то Вам не помешало бы срезать лишнюю часть кожи на животе. Но это очень серьезная операция. И прежде, чем вообще говорить о ней, Вам надо разобраться с миомой.

– Да не собиралась я живот подрезать! Мне бы только лицо и грудь...

– Вот и хорошо, что не собиралась. Но в любом случае Вам нужно заняться миомой. И чем скорее, тем лучше.

Мила мало, что знала о миоме. И с чем угодно могла связать боли во время бурного интима с Валерием – ну, не расслабилась как следует или он был излишне страстен и резок, а может и поза неудобная... А тут оказывается... Еще не хватало!

– Я не хочу Вас пугать, – продолжал Игорь Петрович, – но, скорее всего Вам понадобится более серьезное обследование – гистероскопия, биопсия, ампутация матки. По большому счету, Вам сейчас должно быть не до пластики. Надо спасать свою жизнь.

Из кабинета Игоря Петровича Мила вышла на ватных ногах со стеклянными глазами. Ее тут же подхватила Маша и повела в кабинет маммолога.

– Что-нибудь не то, Людмила Николаевна? – встревожилась Мария, заметив резкое изменение настроения пациентки.

Мила кивнула головой.

– Может быть, тогда на этом и остановимся? – неуверенно предложила Маша.

– Нет уж. Я же не враг себе. Пусть и маммолог посмотрит.

Маммолог, чье имя от расстройства Мила даже не взяла на себя труд прочесть на бейдже, долго шупал ее грудь, сделал снимок, долго разглядывал его на компьютере, вздыхал, подзывал ассистенток. В конце концов, до Милы донеслись слова: «Есть незначительное уплотнение, но оно связано с гинекологией. Как только пациентка решит проблему с миомой, грудь болеть перестанет. А силикон ей помехой не будет, по крайней мере, Людмила Николаевна теперь чаще станет обследоваться, и малейшие изменения врачи заметят быстро. И если, упаси Бог, придется делать операцию, то гораздо раньше, чем процесс примет злокачественный характер. А силикон в таких случаях является просто незаменимым протезом».

Короче, «сиськи подмышками» уходят в прошлое, Валерий будет доволен, жизни это не угрожает, значит, все более-менее в порядке. А с миомой потом разберемся. В конце концов, вывод можно будет сделать, когда диагноз будет подтвержден еще как минимум двумя докторами из разных клиник. А пока...

Анализ крови, электрокардиограмму, рентгенографию грудной клетки Мила сделала за полчаса.

– Результаты всех анализов будут готовы через три дня, – сказала Мария, когда Мила, оправившаяся от потрясения с диагнозом гинеколога, зашла наметить дальнейшие планы. – А пока могу определенно сказать, что у Вас имеются возрастные изменения кожи лица и мешки под глазами. Вам показан лифтинг и блефаропластика. Кроме этого не мешало бы сделать липосакцию подбородка. То есть, мы Вам сделаем надрез над ухом и за ухом и натянем кожу на лице. Потом сделаем разметку на верхнем и нижнем веках и слегка срежем кожу над глазами.

С нижних век удалим жир, чтобы убрать мешочки под глазами. А после этого удалим излишки жира с подбородка. То есть, получится три оперативных процедуры одновременно. Это только на лице. Такая операция длится 2-3 часа. Поэтому наркоз дается общий. Если хотите, мы и пластику груди сделаем в тот же день. Впрочем, если сердце Ваше, конечно, позволит.

– Что-то я боюсь... Кромсать себя... Неизвестно, чем все может закончиться... А тут еще гинеколог... – Мила, как ни старалась, не могла воодушевить себя перспективой лечь под нож. Да разве хоть один мужик достоин того, чтобы ради него претерпевать такие муки?! А ради себя? Но ведь обходилась же без пластики до этого? И потом, сейчас на Западе вообще модно обозначать возраст, женщины даже гордятся им. Ради чего тогда она вообще здесь? Ради денег, которые проплывут мимо ее носа, если она так и останется не входя в высший круг бизнес-леди, а будет, как сегодня, на подхвате у генеральной директрисы заносить хвосты вальжным, ухоженным дамам?! Они сейчас нос воротят от Милы. В их глазах она – загнанная лошадь, которую осталось только пристрелить. А загнанная потому, что лицо у Милы, как печеный пирожок... Короче, у попа была собака...

– Конечно, будут неприятные моменты, – заговорила Мария. – Все-таки это операция. Придется две-три недели полежать, носить компрессионную повязку, не смотреть в зеркало...

Мария взяла со стола огромную папку с фотографиями пациентов «до» и «после»:

– Вот смотрите. У этих женщин не менее проблемные лица и грудь. И взгляните, какими они стали!

– А есть фотографии неоправданных надежд?

– Вы имеете в виду неудачные операции, осложнения?

– Ну да. Какой, например, для меня самый страшный исход, если я лягу под нож?

– Гинеколог Вам объяснил, какая пластическая операция и почему противопоказана. В отношении других оперативных действий скажу совершенно точно: если не хотите нежелательных последствий, после операции нужно будет соблюдать определенный режим – не поднимать тяжести, не принимать горячий душ, не заниматься сексом. И уж ни в коем случае не нервничать. В противном случае может произойти разрыв сосудов, могут разойтись швы, депрессия начнется... Честно говоря, мы должны Вас направить еще на консультацию к психотерапевту. Но не будем. Вы занимаете руководящую должность, являетесь известной личностью. И то, как вы стоически, без истерик выдержали сообщение о диагнозе, характеризует вас как человека с устойчивой, здоровой нервной системой.

Мила недоверчиво посмотрела на Марию и хмыкнула. Слышали бы это сейчас сын, муж, Валерий, коллеги-журналисты, которые последнее время все чаще цедили сквозь зубы, что она «психическая» и ей лечиться надо. Вот пусть сами и лечатся!

Мила с неподдельным интересом разглядывала снимки пациенток после пластики. Однако менее всего она бы желала стать такого рода моделью-завлекалочкой.

– Не волнуйтесь, фотографии VIP-персон мы на обозрение не выставляем. И имена их держим в секрете. Так что, утечка информации исключена.

Мила вздохнула:

– Ладно. Подождем результатов анализов. Спасибо, Мария.

XXX

Собственно, можно было ехать домой. Время клонилось к концу рабочего дня, и тащиться с Арбата в офис на метро «Аэропорт», чтобы застрять в пробке, не очень-то и хотелось. И Мила бы поехала домой, чтобы упасть на диван, порыдать над своей женской несчастливой долей, обсудить свою миомную беду с матерью по телефону и ждать Валерия, который один и мог внести покой в мятущуюся душу Милы.

Однако сегодня был день начисления зарплаты, Миле Грызун надлежало оценить вклад каждого сотрудника в общее дело, вспомнить все дерзости, сказанные в ее адрес, посчитать каждый принесенный рубль, оценить эффективность заключенных договоров и их исполнение. И – отсечь от каждой зарплаты столько, сколько сочтет нужным.

В прошлом месяце, например, у Милы «полетел» тросик на «Бэшечке», о чем она не замедлила сообщить коллективу. Коллектив понял правильно: стоимость тросика была компенсирована из зарплаты наиболее нелояльных к шефине журналистов.

Сегодня она собиралась осчастливить всех, ведь Валерий сказал, что пластическая операция пройдет по бартеру за коммерческую публикацию о клинике. К тому же в коллективе последнее время стали нарастать волнения. Коллеги все чаще выражали недовольство стилем и методами ее руководства и собирались идти жаловаться к генеральной директрисе Татьяне. А сейчас не время давать ей в руки козыри. Так что, пусть живут...

Мила сорвалась со стоянки и поехала в офис. К счастью, серьезных пробок на дорогах не оказалось, и она без проблем добралась до издательства.

В коридоре и на этажах было тихо. Мила прошла в свой кабинет мимо отсутствующей секретарши. Дверь в кабинет журналистов была слегка приоткрыта. Из доносившихся оттуда реплик было ясно: коллеги «мыли» кости ей, Людмиле Грызун, начальнице, которая сегодня впервые искренне хотела начислить им зарплату по полной программе!

Она никогда не тешила себя надеждами, что любима коллективом, но и такой ненависти не ожидала. Люди, которых Мила взяла «с улицы», которые являли собой жалкий вид, будучи выброшенными с прежних мест работы, и отчаявшиеся найти что-то приличное, за несколько месяцев не только адаптировались в построенном ею бизнесе, но и смели обсуждать свою начальницу! Которая платила им «какие-то» деньги, а значит, давала возможность жить, платить за квартиру, ходить в театры, ездить в отпуск...

– Слушай, а она вообще моет лицо свое когда-нибудь? Говорят, ей даже сделала замечание известная телеведущая! Мол, кожа лица задубевшая, ее надо металлической щеткой массировать, чтобы кровь начала циркулировать.

– Да бесполезно это. У нее от ненависти к людям застой в мозгах и в крови. Ей пластику делать надо, подтягивать кожу...

– Нет, не получится это. У нее слишком сильно обвисли щеки. Если подтяжку лица сделать, уши на затылок уедут, а кожу головы узлом придется завязывать!

– Может, посоветовать ей вообще пересадку кожи сделать?! Взять с задницы и пришить к лицу!

Коллеги покатались со смеху, представляя, как будет выглядеть Мила с ягодичным фейсом.

– Всё, тогда на личной жизни ей придется крест ставить! Какой идиот захочет целовать задницу в очках?

– Это же надо так ненавидеть человека, чтобы такое придумать! Нет, ребята, так нельзя. Надо быть добрее. Она же женщина.

– Какая, блин, женщина? Змея она змея и есть.

– Ну, я их прищучу! – Мила едва сдерживала себя, замерев под дверью. Ей очень хотелось увидеть их глаза! Впрочем, на кой черт их глаза? Она и так знает, что увидит в них злобу на нее: за то, что лишила надбавки в прошлом месяце, за то, что внесла правку в интервью, которое из-за этого отказался оплачивать рекламодатель, за то, что раз и навсегда закрыла вопрос выплаты процентов за привлеченную рекламу, за то, что не ставит фамилии журналистов под их материалами и даже в выходных данных журналов, которые каждый из них в единственном лице выпускает, совмещая 3-4 кадровых позиции одновременно...

– Такого бездарного ведения бизнеса мир еще не видел! – доносилось из-за двери. – Кому рассказать – не поверят!

– Да причем тут мир? Недавно на женском форуме коллеги спросили, почему мы это терпим, почему позволяем вытворять такое над собой? А что им скажешь? Что в возрасте «кому за 30» в Москве работу не найти? Что профессиональным журналистам надо профессионально платить, а этого не хочет ни один работодатель? Что сегодня в цене студенты и приежжие, согласные работать за копейки? Это и так всем ясно.

– Блин, на рабочих сайтах в Интернете сейчас тишь, гладь да божья благодать! А те вакансии, что есть, желают видеть кандидатов не старше 30. Наша Милка знает, зараза, что людям в возрасте за 40 податься некуда, выбирать не из чего, потому и пляшет у нас на голове. И профком ее поддерживает, прикормленный.

– Взять бы да уйти всем от нее, провалить все ее проекты разом! Так ведь нет, мы же порядочные, любим свою работу, не можем вот так просто взять и кинуть своих клиентов, рекламодателей. Они ведь нас за честных людей держат.

– Милашка наша очень хорошо в людях разбирается. Просто супер-психолог! Она абсолютно уверена, что мы такой бяки ей не сделаем, потому что не способны на это в принципе. А мы-то, блин... Журналисты, называется. На собеседовании повелись на ее ласковые речи. Уж как она пела соловушкой, как хвостом крутила! И на работу можно приезжать, когда удобно, лишь бы дело не страдало, и премии с бонусами она щедро распыляет по дирекции, и командировки, и свободу дает журналистскую... И едва только в штат оформила – ее как подменили! Все забыла. Теперь ей одно нужно: деньги, деньги... Сказала бы честно: «Братцы, хочу много денег. И прошу вас их для меня заработать. Почти задаром». И уж если бы кто на эту дурь попался, то сам был бы виноват. А теперь ищи крайнего – мама зря учила быть честным, папа был не прав, убеждая, что старших надо слушать...

– Да, вляпались мы конкретно. И ведь как сейчас уйти? Кому нужна запись в трудовой книжке о двухмесячном стаже? Какой работодатель поверит, что мы хорошие и профессиональные, а она – просто ходячая гибель, отравляющая сотрудникам жизнь и выпадающая за все мыслимые рамки?

Да уж, с позиций сотрудников шефиню было, за что не любить. С ее же позиций все было объяснимо, логично и железобетонно: проценты за привлеченную рекламу она платить не будет, ибо в противном случае мало денег достанется Татьяне, а значит, ослабнут позиции Милы. Надбавку она урезала только тем, кто позволил себе болеть в течение двух недель, а значит, причинил ущерб компании невыходом на работу и незаключенными договорами. А правку в материал она вносила и будет вносить, потому что Дирекция – это ее детище, и она будет печатать то, что считает нужным, и будет бить по рукам каждому, кто хотя бы в мыслях посмеет называть ее непрофессиональной. Вот она возьмет и объявит, что на самом деле рекламодатель отказался от публикации потому, что журналист просил «откат», то есть хотел получить наличными процент от суммы договора, а рекламодатель попался честный и порядочный, и ему стыдно за журналиста, за редакцию и за всю Москву. Вот он и повод к увольнению. Не нравится? А нечего язык распускать!

Всё это проскочило в голове Милы в один момент, когда она выросла на пороге кабинета, готовая направить свою необузданную энергию на коллег. Но ее взгляд наткнулся... на своего зама Валерия! Его баса в многоголосье обсуждения перспективы видеть лицом его Милашки ее же задницу не звучало, и Мила решила, что зама в кабинете нет. В противном случае, она была уверена! – Валерий не позволил бы обсуждать свою любимую женщину-кормилицу. Тем более – столь фривольно, если не сказать – нагло и бесстыдно. Но он в кабинете был. И более того, еле сдерживал себя, чтобы не смеяться вместе со всеми.

Вот это было ударом ниже пояса. Мила отчетливо поняла, что всё, что она делала последние месяцы – истязала себя силовыми упражнениями, питалась таблетками, утягивалась как девочка, работала как проклятая – всё это было для него. И вот...

Мила молча развернулась и прошла к себе в кабинет. В настенном зеркале отразилось лицо изможденной старой женщины.

Глава 3

На языке юристов эта ситуация называется конфликтом в трудовом коллективе. По идее, Мила должна сей же час уволить всех до единого. Нельзя работать в бизнес-компании с людьми, которые настроены агрессивно к своему руководителю. Пусть ищут более хлебное место, раз им не нравится то, что создала своим трудом Мила. Но массовое увольнение – это скандал на весь издательский дом, на все журналистское сообщество Москвы. Это значит, расписаться в собственном бессилии, упасть в грязь лицом перед директрисой Татьяной, показать свою несостоятельность и беспомощность Валерию, но самое главное – признать аргументы подчиненных весомыми настолько, что их можно принять всерьез.

Попытки мыслить здраво и попытаться предъявить «исковое заявление» к себе, любимой, не получались. Не было и слез. Мила вообще не умела плакать, у нее не были с рождения развиты слезные железы. В минуты сильной обиды или гнева ее глаза становились стеклянными и погруженными в себя, отчего резко темнели, до черноты, и Мила становилась похожа на ведьму. Видя это, сын, еще будучи маленьким, заходил в истерическом плаче и после долго вздрагивал по ночам. А муж сплевывал через плечо и «шел по девочкам» снимать стресс.

Обида на Валерия захлестывала Милу. Она вела сейчас машину на автопилоте. Со стороны ее можно было принять за «скорую помощь» или за тачку большого начальника, забывшего поставить на крышу машины мигалку. «Бэха» мчалась без тормозов, без правил, на красный свет, на «кирпич», по встречной и только чудом осталась вне поля зрения стражей дорожного порядка и не вляпалась в аварию.

– Как ты, доченька? – донесся до входящей в дом Милы голос матери, в этот момент записывающийся на автоответчик. – Позвони, как приедешь. Что-то мне тревожно на душе.

Мила без сил опустилась на пуфик в коридоре. «Ее мне только не хватало!»

В свой внутренний мир Мила не пускала никого и в детстве. А мать, как ни старалась, никогда не могла найти нужных слов, чтобы достучаться до Милы. В последние годы их отношения внешне стали более доверительными, теплыми. Во всяком случае, Мила не перебивала мать, когда та начинала учить уму-разуму. Не сказать, что Мила внимала речам старушки. Скорее, просто позволяла ей говорить, погружаясь в собственные мысли. Это было крупным завоеванием родительницы: обычно их общение заканчивалось на истерической ноте с хлопаньем дверями, боем стекла, риторическим вопросом «Зачем ты меня родила, ведь я так несчастна!» и клятвенным обещанием матери забыть дорогу в дом неблагодарной Милы.

Мать потом быстро остывала, примирялась в душе со своим несчастным чадом и пыталась понять, как такое «произведение искусства» могло уродиться у двоих крепко любящих друг друга людей?

Любовь родителей друг к другу была столь сильна, что им завидовали все вокруг. Только Мила нервничала, ревновала и вечно пыталась поссорить родителей между собой. Нашепчет, бывало, матери, что пока та у плиты кувыркается, вкуснятину разную готовит, отец торчит у пивного киоска два часа с какими-то алкашами: «Я сама видела!». И так вовремя новость эту сообщит, что у матери с противня будущий пирог выскользнет и растечется по полу. А вернувшись мужу придется это месиво убирать и оправдываться, что не торчал он у киоска, а стоял в очереди за билетами в театр: «Вот, достал! На завтра!». Ответом ему станет не повисшая на шее счастливая жена, а взорвавшаяся на плите банка сгущенного молока, чьи горячие капли разлетятся по кухне и попадут отцу на лицо, на руки, на лысину...

Ночью родители, утешая друг друга, пытались понять, что это было: задумка Милы или случайность? Когда такие случайности перевалили за добрый десяток, родители поняли: это

– дочь! Ее рук дело! Но почему? Сошлись на ревности. Немного покрутили вопрос вокруг генов: у отца в роду были буйные предки, учинявшие дебоши по лагерям и тюрьмам. Видать, нравом своим Милка в эту породу пошла. А вот хитрость, откуда в ней иезуитская? Прямо таки змеиная! Так ведь вывернет любую задумку, что просто диву даешься! С нормальным умом до такого не додумаешься!

Позже Мила, смеясь, призналась, что незаметно отлила воды из кастрюли, где варилась банка сгущенки. И сделала это тогда, когда мать пошла открывать дверь отцу. Мила просчитала: пять минут будут крики на счет того, что отцу категорически нельзя пить пиво («У тебя камни в почках!»), минуты три отец будет оправдываться, еще пару минут будет, согнувшись, собирать с пола загубленный пирог, а когда разогнется и скажет: «Мы с тобой еще вкуснее сейчас испечем!», вот тут банка и рванет! Остатки воды в кастрюле за это время должны выкипеть!

На следующий день Мила получила «пятерку» по физике за проведенный дома «опыт» и принесла домой коробку конфет, которую выиграла у одноклассника Вовки: они спорили, сможет ли Милка сделать больно собственному отцу так, чтобы никто не догадался о ее причастности к действию? Вовка убедился: Милка сможет все! Он увидел ее отца со следами ожогов и с тех пор стал сторониться Милки. А она это сделала из большой любви к Вовке. Ей хотелось, чтобы он обратил на нее внимание, коль занятые друг другом родители этого не делают.

Странное дело: любовь родителей, счастье, в котором они купались, не вызывали у нее желания построить свою жизнь по образу и подобию. Ее дико раздражало то, как родители называют друг друга – Пупсик и Котик. Как последовательно подставляют для поцелуя сначала правую щеку, потом левую, потом попку для похлопывания, потом ушко для почесывания...

– Бред! – не выдержала Мила, дернувшись всем телом. Ей совсем не хотелось сейчас перезванивать матери.

– Да ты не любишь нас! И не любила никогда! – озарилась однажды мать и заплакала. В ответ Мила хлопнула дверью и ушла познавать мир на улицу.

Милу раздражало ее имя. Точнее, имя ее и матери. Их обеих звали одинаково – Людмилами.

– Понимаешь, ты – людям милая! И я – людям милая! Это значит, надо вести себя так, чтобы тебя все любили!

– Не хочу быть всем милой! Хочу, чтобы вы с папой меня любили! А милой буду для себя! Вот!

Мать разводила руками, но в тайне мечтала, что, унаследовав ее имя, дочь унаследует и ее судьбу счастливой и любимой жены. К тому же мать с дочерью были тезками и по отчеству: отцов Милы-большой и Милы-маленькой звали Николаями. Матери такое совпадение имен мужа и отца казалось знаковым, и если бы родился мальчик, она бы всенепременно назвала его Колей, чтобы продолжить эту любопытную традицию. Да и уж очень мать, историк по образованию и библиотекарь по профессии, любила дореволюционную эпоху с ее царями Николаями, и очень гордилась своими предками, вхожими в круг высшего дворянского общества.

Но родилась девочка, и мать все равно обыграла ситуацию с именами и очень гордилась этим. Кроме того, она вполне серьезно воспринимала корневую суть своего имени и старалась жить в мире со всеми, всем нравиться, всем быть милой. И трудно сказать, было ли это чертой характера или благоприобретением, но мать Милы-маленькой действительно любили и уважали все. А отец так и вовсе носил Милу-большую на руках.

– Вот родили бы мне братика или сестричку, и целовались бы тогда сколько угодно. А чего впустую друг на друга пялиться? – плевалась иногда первоклассница Мила словами, когда родители уж слишком увлекались друг другом и напрочь забывали о ее существовании. Мать с отцом после этого вели себя как нашкодившие малыши, старались услужить Миле, дарили подарки, от чего она только еще больше злилась и унижала предков.

Родить ей брата или сестру у них не получалось, хотя надо отдать им должное, старались Николай с Людмилой на совесть. Скрип их кровати и страстные стоны частенько будили дочь среди ночи, рождали эротические сны, вызывали сильное желание мужской близости. И Мила на утро чувствовала себя еще более одинокой, становилась еще более жесткой.

После смерти отца, а было Миле тогда уже 17 лет, вся любовь матери устремилась на нее, на Милу. Но поздно. Характер девочки был безнадежно испорчен, змеиная сущность полностью овладела ею, и спасти Милу не смог ни брак, ни рождение ребенка. После смерти отца Мила стала смотреть на мать под другим углом зрения. Но не было под тем углом ни сочувствия, ни – главное – любви. Какая-то жалость, как к беспомощному слепому котенку.

И лишь в последнее время, когда Мила сама начала чувствовать свой возраст, она стала воспринимать мать как человека, у которого уже всё в прошлом. А значит, нет в этой жизни ничего, что могло бы причинить боль. Есть лишь опыт. Это единственное, перед чем Мила благоговела и склоняла голову. Только человек, на собственной шкуре испытавший все «прелести» жизни – семейной, деловой, общественной, политической – был интересен Миле. Именно собственным опытом делания себя своими руками, опытом выживания в первоначально диком российском рынке, опытом обогащения она гордилась более всего, собираясь пополнить этот багаж опытом одномоментного омоложения, опытом создания новой семьи с человеком на 30 лет моложе себя, и опытом завоевания недоступного пока высшего круга. И пусть этот опыт дается ценой потерь, она готова заплатить за счастье подняться еще на одну ступень вверх по социальной лестнице. Мысль оступиться, остановиться казалась чудовищной, страшной, убийственной. Нет! Только вперед! Вверх!

XXX

Мила сползла с пуфика в прихожей и переселилась в огромное кресло в гостиной. Легкий мысленный экскурс в прошлое чуть притупил боль от сообщения гинеколога Игоря Петровича о миоме. И Валерка с его подлым молчанием под хохот коллег над ее лицом ушли в тень, уступив место желанию пообщаться с матерью.

Людмила Николаевна-старшая имела одно любопытное свойство. Собственно, проявилось оно после смерти мужа как реакция на стресс – мать Милы обрела некие мистические способности. Ну, например, стала видеть вещие сны, слышать мысли Милы и внука Мирона. Однако категорическая материалистка Мила и абсолютный анархист-пофигист Мирон воспринимали предостережения Людмилы Николаевны как кликушество или вмешательство в их личную жизнь. И мать Милы только в экстренных случаях решалась озвучить свои соображения, но все равно напарывалась на гневные отповеди дочери и внука.

Когда прошлой весной над Мироном нависла угроза вылететь из университета, Людмила Николаевна знала об этом уже в канун Нового года. Тогда во сне она увидела Мирона лежащим на асфальте, свернувшись в клубок без обуви на ногах. А быть босиком во сне, значит потерять возможность двигаться. Лежать на дороге – значит, перекрыть себе ход. Лежать клубочком – значит, заболеть. Чем мог заболеть здоровяк Мирон? Ну, разве что от пьянок своих бесконечных, из-за которых часто и густо пропуская занятия.

Мать всячески пыталась донести эту мысль хотя бы до Милы. Бесполезно. Когда же Мирона отчислили-таки и вот-вот за ним должны были явиться представители военкомата, Мила и внук вытолкали бабушку за дверь: «Это ты наколдовала!»

О том, что дочь несчастна с Юрием, мать знала. Все видела своими глазами. И периодически не выдерживала:

– Как ты могла вообще за ТАКОГО замуж выйти? Ну, да, подобное притягивает подобное!

– Ты хочешь сказать, что и я такое же дерьмо, как мой муженек? – возмущалась Мила.

– Так я не считаю. Но по большому счету, вы – два сапога пара. И пока ты будешь оставаться такой, вы будете вынуждены тащиться по жизни вместе. И другой мужчина на тебя и не взглянет. Потому что ты вибрируешь по-другому. Так, как твой Юрий. Когда ты поймешь это, изменишься сама, тогда и мир изменится, и жизнь личная может иначе сложиться.

Мила нервничала:

– Заколебала ты меня своей мистикой! Чем это я таким непотребным вибрирую? И чем это мы с мужем так похожи?

Мать в ответ горестно вздыхала, говорила, что Мила передала свои дурные качества Мирону, для которого вообще авторитетов не существует, и он растет черным человеком.

Но в те дни, когда мать не касалась мистических тем, общаться с ней было одно удовольствие. Она все понимала с полуслова и искренне жалела свою дочь.

– Разведись, – не раз говорила ей мать. – Сын давно уж вырос, ты стоишь на ногах, окрепла финансово. Отпусти ты его, наконец! Ведь ты вынуждаешь его жить и мучиться! Отдай ему его долю за этот дом и живи спокойно!».

«Жить и мучиться» – это Миле очень понравилось. Настолько, что эта фразочка стала ключевой в построении ею отношений не только в семье, но и в коллективе. Мила испытывала удовлетворение от того, что находящимся рядом с ней людям приходилось подстраиваться под нее, удовлетворять ее прихоти и капризы, зажимая в кулак собственную гордость. Именно в такие моменты она и ощущала с особой силой свою власть над людьми. А отпустить Юрца на вольные хлеба – это было слишком банально. Но вот создать жизнь такую, какую она, Мила, считала нужным уготовить каждому, в этом и заключалась ее фишка.

Юрец однажды сам понес было заявление о разводе в суд. Судья тогда пристыдил его. Мол, что же это вы, гражданин хороший, заявление принесли на жену свою? Какие-такие у вас причины для развода? Жена ваша что, алкоголик? Иль может наркоман? А то может она плохая мать? Нет же? Нет. Так не иначе это вы честь коммунистическую порочить удумали, на стороне роман завели? А не хотите ли, чтобы вас партком завода на своем заседании рассмотрел через микроскоп? Не хотите? Так идите и живите. И не отвлекайте суд от проблем более серьезных.

Юрцу всыпали по первое число и в партийной организации, где он исправно платил взносы и изредка бывал на собраниях. А в качестве исправительной меры взяли и... повысили в должности. Важным стал Юрец, черную «волгу» ему выделили, зарплату подняли. Мол, одумается мужик, да и жена, глядишь, по-новому на него посмотрит. Так и сохранит партия семью – ячейку общества, выполнит важную государственную задачу.

Юрец даже примирился со своей жизнью. А что? Очень непыльно. Стоптанное тапочки, любимый диван, плоский телевизор и потрескивание камина холодной ночью в двухэтажном доме – это ли для мужчины не эталон счастья? Ну, разве чтобы жена попозже возвращалась с работы. Или самому периодически выезжать из дома, мир посмотреть, себя показать... «Я внакладе не останусь!» – справедливо рассуждал Юрец и жил двойной жизнью: покорной дворняги и разудалого кобеля.

Мила поймала себя на том, что сидит в кресле, не раздеваясь, и тупо смотрит в окно. Там качаются лысые деревья, сыплет с неба то ли дождь, то ли снег, а рука ее сжимает телефонную трубку, которая жалобно скулит, пытаясь привлечь к себе внимание хозяйки.

– Что-то я сдаю..., – выдавила из себя Мила и поднесла к уху телефон. На проводе была мать.

– Ну, мать ты моя путеводная, угадай, чем твоя дочь озадачена? – тускло произнесла Мила.

– Чем может быть озадачен человек, у которого нет друзей, кругом одни враги, а в семье – полный караул?! Одна работа и остается. Но и та не для радости душевной, а как будто всем назло. Думаешь, я не знаю, что ты деньгами хочешь выстроить забор, чтобы от реального мира закрыться, да и выстроила уже, потому что людей не видишь... А от жизни такой что бывает?

– Что бывает?

– Болезни бывают. Глубоко сидящие. Дремлющие и своего часа ждущие. Как только человек что небожеское задумал, так в нем и селится зараза. И растут они вместе, друг друга подкармливая-поддерживая. И чем большего человек добивается в своих дурных желаниях, тем крепче болезнь становится. И проявляется тогда, когда человеку кажется, что вот-вот счастье его небожеское в руки ему падет, вот-вот он получит заветное свое желание... А Бог ему болезнью этой говорит словно, что отступился человек от пути праведного, скорей надо выход искать. Потому что за болезнью следом, если не избавиться от нее, придут удар за ударом. А там и смерть явится, если не понял человек знаков небесных.

– О, да ты у меня набожная какая стала! Помнится, тебя одна только мистика недавно одолевала. И как ты сочетаешь несочетаемое?

– Почему же несочетаемое? Чем, ты думаешь, Бог говорит с нами? Да всем, на что падает наш глаз, что слышит наше ухо.

– Ну, это уже суеверием попахивает. Черным котом, дорогу перебежавшим, тоже Бог говорит? Не носи околесицу, маманя. Давай по делу.

– А по делу, Мила, ты мне сейчас скажешь. Что у тебя с Юрием?

– А причем здесь он? Если у меня и есть проблемы, то никак не с ним связанные!

– Стало быть, проблемы есть...

– Мам, что такое миома и с чем ее едят?

– А говоришь, что твои проблемы с мужем не связаны. Еще как связаны!

– Что ты имеешь в виду?

– Да то, что в появлении у женщин миомы виноват бывает мужчина. Это его нелюбовь, нанесенные им обиды и есть причина зарождения очага заболевания. Подумай сама: ты столько лет прожила с нелюбимым, подвергая себя натуральному насилию в постели. Чей же организм это выдержит? Поверь мне, я хоть и не врач, но книг много за свою жизнь прочитала. Не зря в научно-техническом отделе библиотеки работала...

– И что мне теперь сделать, чтобы вылечиться? Убить мужа?

Мила произнесла эту фразу и развеселилась:

– А что? Классная мысль! Одним ударов – двух зайцев! Где ты была раньше, маманя!

– Дурная ты, Милка. Я тебе давно говорила: разведись, раз нет любви. Вон, до чего твои эксперименты довели! Ты всё мужу мстила, чтоб жизнь ему медом не казалась, а что в итоге получилось? Мирон твой кем вырос? Он ведь всё видел, всему от тебя учился – и плохому, и хорошему. Но ты на хорошее уж больно жадная была. Может, оно бы и лучше было, если бы ты его одна растила. А ты жила в семье с ненавистью к мужу. Мог ли ребенок этого не чувствовать? Не мог. Но не понимал, к кому твоя агрессия адресована. И принимал на свой счет. И в нем все восставало. Ты врага себе вырастила, а не сына. И это еще по тебе ударит, я как мать говорю. Сама с тобой намудрила – до сих пор не пойму. Вроде, в полной семье ты росла, любовь родительскую видела, понимание, помощь. А выросла – льдина, айсберг какой-то. Ну, да что об этом говорить... Тебе сейчас о своей душе думать надо, а ты еще одну программу саморазрушения запускаешь.

– И зачем о ней думать-то, о душе?! От нее только боль одна и муки. Лучше бы умолкла совсем...

– Слушай меня, Мила. Молчи и слушай. А там... Делай, что хочешь. В конце концов, это твоя жизнь. Может, такова твоя планида – прожить жизнь так, чтоб другим неповадно было. Отрицательным примером чтобы быть. Я уж не знаю, каким ветром тебя надуло к гинекологу, но понимаю, что это не случайно. Видимо, ты должна была, наконец, узнать про свою болезнь. И должна благодарной быть людям, которые тебя к этому шагу подвигли. Бог тебе шанс дает вылечиться, раз болезнь твоя носит – пока! – доброкачественный характер. Хотя в болезни этой

виной бывают мужчины, выздоровление зависит от женщины. Ты должна сегодня же пересмотреть свою жизнь с Юрием, простить его за все доставленные неприятности, выплакаться...

– Что? А то ты не знаешь, что не умею я плакать! Не развиты у меня железы эти слезные!

– Это еще одна причина болезни. В опухоли твоей скопились невыплаканные слезы, непращенные обиды...

– Я от этого не умру в ближайшие месяцы?

– Глупый вопрос.

– Не глупый. И не праздный. Я... Я хочу пластику сделать.

– ???

– Ну, чего замолчала? Не хочешь, что ли, свою дочь красавицей видеть?

– Да для меня ты всегда была и есть красавица. Тебе бы только взгляд добрее да улыбку, да характер помягче, и цены бы не было!

– Плевать на улыбку. А на характер я давно забила: что выросло, то выросло. Хочу новое лицо, новую грудь! Так что, не до миомы мне сейчас.

– Не поняла ты меня, Мила. И бодрость твоя нарочитая. На самом деле ты, как нормальная женщина, боишься этой болячки. А раз боишься, так лечись!

– Я могу к этой теме вернуться после пластической операции. Даже смысл появится здоровенькой быть, когда красоту себе верну! А сейчас... Одной фигней больше, одной меньше... Морщины, потерявшее форму тело, обвисшая грудь... Какая разница, есть при этом раскладе какая-нибудь еще гадость внутри?

– Не гадость. Учительница твоя. Ты теперь должна о ней думать постоянно, думать тепло, благодарить за то, что она у тебя появилась. Как урок, как Божий знак. Полюбить ее...

– Так, всё, не могу больше слушать этот бред.

– Хорошо, Мила. Если я для тебя не авторитет, съезди в церковь. Поверь мне, ты сразу почувствуешь себя лучше! Может, и мысль здравая в твою головушку придет. А пластику эту я не одобряю. Лишняя трата денег. И потом, кто тебе дал право вмешиваться в то, что создал Бог?

– Во-первых, тело – мое, и что захочу, то с ним и сделаю. Во-вторых, такой уродливой и Богу противно меня видеть!

– Да почему уродливой, Мила?! Ты посмотри, как выглядят женщины в твои годы! И как выглядишь ты! Красавица!

– Не терплю лести, мама. Вот сделаю себе подтяжку, тогда и поговорим. Сама еще будешь ахать: «Почему я такую не сделала, своего мужа не порадовала?!». Думаешь, ему приятно было на тебя смотреть, по морщинам годы отсчитывать? А была б ты молодая да красивая после пластики, так и папе жить веселее было бы. Думаешь, почему мужики на молодых западают и семьи свои «старые» рушат? Да потому, что с молодой женой жизнь новая начинается. И мужик сам молодым себя чувствует! Мы же все в душе молодые, ведь правда? Просто, кто больше устал от жизни, кто-то оптимист от природы и легко перешагивает проблемы. Но души у всех молоды. Поэтому у людей начинаются депрессии, когда молодая душа в зеркале видит уродливую старость.

– Хорошо же ты наши с отцом отношения разложила. Тебя послушать, так он представился, гляючи, как я старею и дряхлею. С тобой, Мила, не соскучишься. Не будь я тебе матерью, давно бы уж прекратила всяческое общение. Но, знать, ты – крест мой пожизненный.

В трубке слышались гудки.

– Ну, вот и поговорили, – буркнула Мила и тяжело поднялась с кресла.

За окном давно было темно. Захотелось заесть горечь сегодняшнего дня чем-то вкусненьким. Обычно последний раз в сутки она ела в обед – какое-нибудь низкокалорийное печенье и чай без сахара. А до конца дня потребляла только таблетки, отбивающие аппетит. «А вот напекла бы пирогов, сделала бы фирменное блюдо да за столом бы с мужем и сыном дружно

посидели, посмеялись, порешали проблемы. Так семья-то крепкой становится, – ругала Милу мать. – А с твоей диетой два здоровых мужика долго не протянут!». «Это их проблемы!» – обычно отмахивалась Мила. И не верила в искренность женщин, которым нравилось крутиться у плиты, таскать из магазинов продукты, чтобы порадовать, побаловать близких. Таких женщин Мила презирала, считая, что они тянут эту ляжку лишь потому, что финансово зависимы от мужей и ни на что путное оказались не годны. А Мила... О, насколько больше она бы могла сделать, если бы не Юрий! И этого мерзавца ей надо простить?

Она достала из сумочки несколько таблеток, которые давно и успешно заменяли еду, проглотила их и прислушалась. Где-то на улице смеялись дети, гуляли пары, издали доносилась музыка. А Мила сидела в огромном доме в полном одиночестве, с нарисовавшейся тревожной болезнью, без любимого мужчины, отвергнутая коллективом, непонятая матерью.

О сыне с мужем можно и не говорить. Последние месяцы Юрий практически перестал бывать дома. Поговаривали, что у него на стороне появилась возрастная пассия. С годами он потерял форму и перестал интересоваться девочек. И тогда проявлялось в его отношении к Миле миролюбивое: «Давай начнем сначала?!». Но она давно не подпускала мужа к себе даже взглядом. Что же до сына, то последний раз Мила видела его пару месяцев назад и фактически вообще забыла о его существовании. Из университета его все же исключили, и он теперь обитал где-то по друзьям-знакомым, прячась от военкомата и милиции в призывные месяцы. А со стороны их семья казалась вполне себе благополучной, статусной, позволяя супругам сверху вниз поглядывать на разведенков и неудачников. Видимость семейного счастья была единственным крючком, который держал Милу и Юрия за шкирку вместе.

Считала ли Мила свою жизнь бездарно прожитой? Вовсе нет. Ведя счет неудачам и проблемам, она на невидимых счетах отщелкивала свой позитив: статус замужней дамы позволял ей двигаться по карьерной лестнице в советские годы. Из плохонького корреспондента, не любящего людей и не интересующегося ими, без чего эта профессия немислима, Мила стала сначала сотрудником отдела писем, а спустя несколько лет – редактором. Для этого ей понадобилось позволить потискать себя главреду, пенсионеру с заскорузлыми пальцами. Вскоре, пустив в ход свою красоту и изобретательность, Мила стала вхожа в кабинеты чиновников, руководителей предприятий, глав администраций. Она придумывала информационный повод и без зазрения совести отправлялась на деловую встречу как на первое свидание, выколачивая из важных персон различные преференции в виде открытия банковского счета, поездки за рубеж или пачки с долларами. Она объявляла в редакции различные мероприятия, куда приглашала именитых дядь и после официальной части устраивала феерические ночки прямо в своем кабинете.

Коллег она меняла как перчатки, благо в Москве журналистов – тучи. О Людмиле Грызун в ее лучшие годы ходила слава как о весьма своеобразной личности с некими особыми требованиями, которым очень трудно, практически невозможно удовлетворять. На самом же деле требований в журналистском понимании не было, ибо Мила была непрофессиональна в этой деятельности. Ей надо было одно: чтобы коллега был слеп, глух, нем, глуп, исправно выполнял ее главное распоряжение «Стоять! Иди сюда!» и воспринимал как благодать ее припадки бешенства, когда по кабинетам летали стулья, бумаги, подшивки газет и журналов.

Как ни странно, но именно таким вот методом управления Мила и смогла создать свою Дирекцию оригинальных проектов. Ее результаты – миллионы рублей прибыли ежемесячно – не укладываются в голове у акул издательского бизнеса, контролирующих весь рекламный рынок в Москве. А причина успешности крылась в озарении, которое однажды постигло Милу: «Отсутствие системы – главная из систем!». Тогда она и решила, что ее первейшее достоинство – в непредсказуемости.

Принесли ли деньги ей счастье? Скажем так: без них было бы гораздо хуже. И если сейчас она решает вопрос, делать ли ей пластику общей стоимостью в 200 тысяч рублей по бартеру,

то не имей она бизнеса, думала бы о том, нужна ли ей жизнь вообще после такого жуткого диагноза? А сейчас, с деньгами, она чувствует себя спокойно. Справится она с этой болячкой! Что там мать сказала? Простить Юрия?

Мила попыталась представить его лицо, глаза, чтобы им адресовать свое прощение. Но тут раздался звонок в дверь. «На ловца и зверь!», – усмехнулась Мила. У Юрия были ключи от ворот особняка, значит, он раньше намеченного вернулся из командировки. Представив, что у нее появляется шанс воочию пообщаться с ним, Мила содрогнулась. Нет, похоже, простить не так просто. Наверно, мать права: обида залегла уж очень глубоко. Мила нехотя провернула ключ в замке, открыла дверь и отшатнулась: на пороге стоял... Валерий. При виде его Мила поняла: весь бред, которым она пыталась занять свою голову, был нужен ей лишь затем, чтобы не думать о поведении этого человека там, в редакции.

– Ворота забыла закрыть? Привет, – он, как ни в чем не бывало, чмокнул Милу в щеку, от чего она остолбенела, и прошел в гостиную. – Покормишь меня? Я зверски голоден!

– Еще чего! Что ты себе воображаешь? Как ты вообще посмел явиться ко мне?! Да еще без звонка! А если муж вернется?

– И что? Я всего-навсего твой сослуживец, который заботится о твоём бизнесе так, что даже на ночь глядя, приезжает за консультацией. Не полный же он придурок, чтобы принять меня за твоего любовника!

– Что ты хочешь этим сказать? На разницу в возрасте намекаешь?

– Не намекаю. Прямо говорю: хочу видеть свою Милашку молодой, красивой и чтобы грудь торчком стояла!

– Да ты..., – Мила даже задохнулась от ярости. – Ты меня сегодня предал, позволил этим уродам обсуждать меня, мое лицо... Ты смеялся вместе с ними! Ты не пошел за мной сразу после того, как я застала вас за этим подлым разговором! Ты убивал меня молчанием, чтобы добить теперь, придя ко мне домой!

– Ой-ой-ой! Какой высокий стиль! Ни за что не поверю, что ты чувствуешь то же, что и говоришь. Но когда я тебе объясню логику своего поведения, ты, как умная бизнес-леди, оценишь меня правильно.

Мила нервно подошла к окну и уставилась на улицу:

– Мне и без твоих объяснений все ясно. Я сегодня не занималась работой, притом, что мой рабочий день стоит десятки тысяч баксов. Это раз. И это – твой долг передо мной. Мне сегодня в офисе был причинен моральный ущерб, нанесен удар по имиджу. Ты при сем присутствовал и на мою защиту не встал. Это два. И хорошо, если только присутствовал, а не инициировал! Это три. Ты сподвиг меня на поездку в клинику пластической хирургии, где я по определению не могла услышать ничего приятного. Это четыре.

Тут Мила замялась: говорить Валерию про диагноз или умолчать? Кто их знает, этих мужиков, вдруг он после этого сообщения испугается заниматься с ней любовью? А она еще точно не решила, выставить его за дверь, в том числе и рабочую, или из их романа что-то путное получится?! А если не получится и она об этом догадается раньше, чем Валерий раскроет карты, то не поиграть с ним в кошки-мышки, не подставить его, не отомстить, чтоб мало не показалось, в этом Мила себе отказать не могла.

Валерий распенил возникшую паузу как руководство к действию.

– Глупая ты у меня! Какая же ты глупая! – он обхватил Милу своими огромными ручищами и закружил по комнате. – Но за это я тебя и люблю. Ну, просто больше жизни люблю. Вот скажи ты мне сейчас: «А ну-ка, милый, ложись-ка ты сам под нож, «нарисуй» себе новые ноздри, и я ведь лягу! Ради тебя лягу! И плевать на затраченное время, на деньги, если тебе этого хочется, если ты хочешь меня видеть красивее, чем создала меня природа и родная мать».

Мила от этих слов чуть не растаяла. У нее даже затряслась нижняя губа. Следом должна была последовать гримаса, которая буквально уродовала лицо. Оно, казалось, каждой мышцей

старалось выдавить из хозяйки слезинку, чтобы приобщить ее к когорте нормальных баб с их обильной природной слезоточивостью. Но чего нет – того нет. Мила знала за собой эту некрасивость и, возможно, поэтому в любом контакте с людьми старалась держать верх, оставлять по себе память как о победительнице, сильной и непреклонной.

– О, что я вижу? Мы учимся плакать? Неужели? – Валерий подметил движение губ Милы. Но задал вопросы так, что она не могла понять, издевается он, смеется над ней или сочувствует. Он сам понял свою оплошность. – Извини, я не то хотел сказать. Я ведь почему явился без предупреждения? Да потому, что сюрприз тебе готовил. И, представь себе, получилось! Сегодня подписал договор с одним европейским банком, продал ему пакетную рекламу сразу на все наши издания! До конца года! Понимаешь? Теперь, даже если мы вообще больше никого не найдем из рекламодателей, мы спокойно можем работать полным штатом минимум полгода! А за это время...

Валерий был горд и счастлив. Но Милу его слова не обрадовали. Точнее, не слова, а интонация. Он вел себя сейчас как хозяин. Он как будто уже отправил Милу в клинику, собственноручно ее порезал, зашил и, поняв, что получилось погано, выкинул на помойку.

– Понял. Меня зачислили в разряд воров бизнеса. О кей, Людмила Николаевна, я Вас покидаю. Заявление об увольнении будет Вас ждать утром на столе, – Валерий резко развернулся и пошел к выходу. Мила растопырила свои фибры души, стараясь понять, играет он или искренен, и в очередной раз почувствовала, что не сможет без него.

– Прости, – прошептала она так, что Валерий застыл на месте, потом развернулся и внимательно посмотрел на Милу.

– Прости, – повторила она. – Но ты мне еще не объяснил главного. Как ты мог позволить сотрудникам обсуждать меня, мою внешность? Ведь это так подло, так низко! Ты не знал, что я появлюсь в офисе, и позволил себе быть самим собой. Значит, со мной ты просто играл!

– Ты не права. Конечно, мне трудно объяснить это, ведь ты сильно задета и не можешь холодно мыслить. Но постарайся. Потому что это тоже было в твоих интересах.

– Как мило! Предлагать сделать мне лицо из моей же задницы?! О-чень креативное предложение!

– А ты считаешь, что было бы лучше, если бы подобные разговоры велись и в мое отсутствие? А кто бы тогда тебя предупредил, что над тобой нависла угроза?

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что наши сотрудники собрались идти жаловаться на тебя генеральному директору Татьяне Андреевне Козленковой и просить сместить тебя с занимаемой должности.

– Это мой бизнес и сместить меня никто не может!

– Бизнес твой. Но не забывай, что официально ты – наемный работник, сотрудник издательского дома, как и твои подчиненные.

– И все равно, у них ничего не получится!

– Зря храбришься. В случае если тебя в нашей конторе прикроют, ребята хотят дальше пойти – в профсоюз, в трудовую инспекцию. Хотят организовать финансовую проверку дирекции, собрать всех, кого ты уволила, и восстановить на работе. Короче, караул. А теперь, представь, что я всего этого бы не знал?! Понимаешь, как важно тебе на время исчезнуть с работы? Приведешь себя в порядок, отдохнешь, а когда выйдешь, поле боя будет чистым. Я разберусь со всеми, уж поверь. И не так, как ты – шапкозакидательски, а по закону, чтоб комар носу не подточил. И я бы на твоём месте очень высоко оценил мои способности контрреволюционера: ведь ни одна живая душа не знает и даже не подозревает о наших отношениях! Поэтому я в курсе всех новостей в конторе и имею возможность мгновенно реагировать и даже устранять опасность. Отправив тебя в клинику, например.

Мила придирчиво следила за ходом рассуждений Валерия, вслушивалась в его интонации, а в душе ее рос и ширился страх. Страх потерять всё – любимую работу, любимого мужчину... Что она будет делать без них?

– Мил, ты не переживай. Я же рядом. Я всегда буду рядом...

Ее тело обмякло и потянулось к нему. Валерий отстранился:

– Надо выпить чего-нибудь горячительного... Трудный день был сегодня, напряженный. Он налил себе полную рюмку коньяку и выпил.

– Ты как будто на трезвую голову брезгуешь спать со мной, – нервно хихикнула Мила.

– Слушай, тебя в детстве змеей не звали? Ну, так ловко ты умеешь у человека всякое желание отбить!

Валерий едва сдержался, чтобы не выразиться еще резче. Мила испугалась:

– Ой, ну ладно тебе! Просто не было у нас ни одной близости, чтобы ты не выпил перед этим.

– А я, может, так сдерживаю свою кипучую страсть? Ведь спиртное расслабляет. А на трезвую голову я могу тебя и порвать...

Сейчас Валерий говорил миролюбиво. Его способность мгновенно менять настроение покоряла Милу, она хотела этому научиться, увидев еще один шанс вводить людей в заблуждение. «Из него получится хороший муж», – подумала Мила и хотя терпеть не могла запах спиртного от мужчин, особенно в постели, отдалась в этот раз Валерию так неистово и пылко, словно не было сегодняшнего диагноза, сговора и оскорбления коллег, обидного разговора с матерью... Были только они двое. И – любовь, хоть Мила и не была в этом вполне уверена, ибо доселе не знала этого чувства по отношению к кому бы то ни было. Но во всяком случае сейчас она ощущала себя счастливой: с завтрашнего дня, наконец, займется собой, а ее любимый, как и положено, – делом. Их общим делом.

Глава 4

Валерий на ночь не остался:

– Из твоего Долгопрудного утром не выберешься, а мне пораньше надо быть в офисе – клиент подъедет.

– Ты смотри, Валер, не продешеви с ним. Любого человека можно раскрутить так, что он и сам не поймет, что происходит. В этом есть особый шик – выжать, выдавить из человека все, что можно. Способности, деньги... – глаза Милы хищно загорелись, она невольно выдала свою сущность и не заметила этого. – Я всегда смотрю на окружающих из соображений, как лучше их использовать!

– И на меня тоже? – прищурился Валерий.

– Ну что ты?! Наши отношения это совсем другое...

– А ты не думала, что не одна такая умная?

– В смысле?

– В том, что однажды и тебя кто-то использует по полной программе?! Или отомстит?!

Мила хищно зыркнула в его сторону:

– Ты такими фразами не кидайся! И в мыслях не держи даже! Меня еще никому не удалось использовать и тем более кинуть. Ясно? И ты не смотри, что я сейчас в ночной рубашке и без прически – баба бабой. Тот, кто так меня понимает, проигрывает на старте. Я тебе, можно сказать, секреты свои открываю, по-родственному, ты ведь за меня остаешься... А ты мне – шпильку в бок! Вот и нутро твое вылезло помимо воли твоей. Не верю я тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.